

Финал

Бекка Фитцпатрик

Заклучительная книга знаменитой саги
«О чем молчат ангелы»

Annotation

Правда ли, что любовь способна преодолеть все?

Счастье Норы и Патча было недолгим: став наследницей Черной Руки и возглавив армию нефилимов, Нора должна повести их на битву с падшими ангелами и уничтожить... Патча.

Оказавшись между молотом и наковальней, возлюбленные пытаются найти путь к спасению. Но жизнь падшего ангела заключена в пере из его крыльев. И оно сгорает на глазах у Норы...

Читайте завершение знаменитой саги «О чем молчат ангелы».

Бекка Фитцпатрик

Финал

*«Моей маме, чей голос всегда звучит где-то рядом со мной:
«Беги, девочка, беги!»*

*Печатается с разрешения литературных агентств WM Inkwell Management and
Synopsis Literary Agency*

Copyright © 2012 by Бекка Аjoy Fitzpatrick
© М. Тогобецкая, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог

Сегодня чуть ранее

Скотт не верил в призраков. Мертвые спят в своих могилах.

Но этот туннель под Дельфийским парком аттракционов, наполненный странными звуками, вздохами и как будто шепотом, почти заставил его передумать. Не нравилось ему и то, что мыслями он то и дело возвращался к Харрисону Грею. Он не хотел вспоминать о своей роли в том, как был убит этот человек. Падающие с потолка влажные капли вызвали ассоциации с кровью. Факел в его руке бросал причудливые тени на стены, которые пахли холодной, свежевскопанной землей, и это тоже навевало мысли о могилах.

По затылку поползли ледяные мурашки, и Скотт, оглянувшись, долго и внимательно всматривался в темноту.

Никто не знал, что он поклялся Харрисону Грею защищать Нору. Раз уж он не мог сказать ему: «Слушай, прости за то, что я убил тебя!», – он поклялся самому себе, что будет присматривать за дочерью Харрисона. Конечно, этого было недостаточно, чтобы заслужить прощение, но все-таки лучше, чем ничего. И лучшее, что он смог придумать. Правда, Скотт не был даже уверен, что клятва, данная мертвецу, имеет какой-нибудь вес.

Хотя тихий шорох за спиной убеждал его, что имеет.

– Ты идешь?

Теперь Скотт мог разглядеть впереди темный силуэт Данте.

– Сколько еще?

– Минут пять. – Данте хихикнул. – Боишься?

– Еще как. – Скотту приходилось почти бежать. – А что происходит на таких сходках? Я раньше никогда на них не бывал, – добавил он, надеясь, что все-таки это звучит не настолько глупо, как ему казалось.

– Серьезные ребята хотят видеть Нору. Она теперь их лидер.

– Так нефилемы приняли тот факт, что Черная Рука мертв?

Скотт и сам не слишком в это верил: предполагалось, что Черная Рука бессмертен. Как и все нефилемы. Кто нашел способ убить его?

Чем больше Скотт думал об этом, тем больше ему это не нравилось. Если это сделала Нора... если Патч ей в этом помогал... И даже если они тщательно замели следы, обязательно что-то да упустили из виду. Так всегда бывает. И тогда это только вопрос времени.

Если Нора убила Черную Руку, ей грозит опасность.

– Они видели мое кольцо, – ответил Данте.

Скотт тоже видел его. Раньше. Заколдованное кольцо тогда сияло голубым светом, идущим из глубины камня. Оно даже сейчас поблескивало умирающей, тусклой голубизной. Данте утверждал, что Черная Рука предупреждал, что это сияние станет знаком его гибели.

– Тело нашли?

– Нет.

– И они довольны, что теперь их возглавит Нора? – с нажимом спросил Скотт. – Она ведь совсем не похожа на Черную Руку.

– Она дала ему клятву на крови прошлой ночью. Клятва вступила в силу сразу после его

смерти. Теперь она их лидер, нравится им это или нет. Они могут сместить Нору, но сначала проверят ее и попытаются понять, почему Хэнк выбрал именно ее.

Скотту не понравилось то, что он услышал.

– А если они сместят ее?

Данте бросил на него быстрый взгляд через плечо:

– Она умрет. Условия клятвы.

– Мы не позволим этому произойти.

– Нет.

– Тогда все круто. – Скотту нужно было удостовериться, что Нора в безопасности.

– Пока она играет по правилам.

Скотт вспомнил слова Норы: «Я встречусь с нефилимами. И четко обозначу свою позицию: Хэнк, может быть, и начал эту войну, а я ее закончу. Война закончится перемирием. И мне плевать, что это не то, что они хотят слышать».

Скотт потер переносицу. Да, работы ему предстояло хоть отбавляй.

Он шел вперед, внимательно глядя себе под ноги. Лужи колыхались, маслянисто поблескивая, и в одну из них он все-таки наступил, сразу промочив ноги до лодыжек.

– Я сказал Патчу, что не спущу с нее глаз.

Данте фыркнул.

– Его ты тоже боишься?

– Нет. – На самом деле боялся. И Данте тоже боялся бы Патча, если б знал его достаточно хорошо. – А почему она не могла прийти на эту встречу вместе с нами?

То, что им пришлось разделить с Норой, заставляло его нервничать. Он ругал себя за то, что позволил этому случиться и не отстоял свою точку зрения.

– Я не знаю. Я вообще не знаю, почему мы делаем половину из того, что мы делаем. Мы солдаты. Мы выполняем приказы.

Скотт вспомнил слова Патча: «Ты отвечаешь за нее. Не облажайся».

По спине у него пополз холодок. Патч думал, что он единственный, кто заботится о Норе, но это было не так. Для Скотта Нора была почти как сестра: она осталась рядом с ним, когда все остальные отвернулись, она помогла ему подняться со дна и спасла его. Буквально.

Между ними существовала особенная связь, совершенно особенная. Он заботился о Норе больше, чем о любой девушке, которую когда-либо знал. Он нес за нее ответственность. И если, конечно, это имело какое-то значение, он дал клятву ее покойному отцу.

Они с Данте продвигались все дальше по сужающемуся туннелю, почти задевая плечами стены. Скотт с трудом втиснулся в следующий боковой проход. Кусок земли отвалился от стены, и он замер, затаив дыхание в ожидании, что сейчас потолок обрушится и погребет их заживо под толщей земли.

Наконец Данте коснулся стены кольцом, и в стене материализовалась дверь. Скотт внимательно оглядел открывшееся помещение: те же грязные стены, тот же каменный пол. Пустота.

– Посмотри вниз. Там люк, – сказал Данте.

Скотт шагнул к дверце в каменном полу и дернул за ручку. Снизу послышались возбужденные голоса. Осторожно ступая по лестнице, Скотт опустил в отверстие метра на три вниз.

И сразу оказался в тесном, похожем на пещеру помещении. Нефилимы, мужчины и женщины, в черных одеждах с капюшонами, толпились вокруг двух человек, которых он пока

не мог разглядеть. Сбоку пылал очаг, в огне которого пылало ровным оранжевым светом клеймо.

– Ответь мне! – слышался высокий женский голос откуда-то из центра толпы. – Какие отношения связывают тебя с падшим ангелом, которого зовут Патч? Ты готова возглавить нефилимов? Нам нужно знать, что ты полностью предана нашему делу.

– Я не должна отвечать на такие вопросы! – одной из фигур в центре была Нора. – Моя личная жизнь никого не касается.

Скотт протиснулся в толпу, чтобы лучше видеть.

– У тебя не должно быть личной жизни, – прошипела старуха с седыми волосами, тыча указательным пальцем в Нору, ее искусственная челюсть ходила от злости ходуном. – Освободить свой народ от власти падших ангелов – вот твоя единственная цель отныне. Ты наследница Черной Руки, и я не хотела бы противиться его желаниям, но проголосую против тебя, если понадобится.

Скотт бросил встревоженный взгляд на нефилимов. Некоторые кивали в знак согласия.

«Нора! – позвал Скотт мысленно. – Что ты делаешь? Это же клятва на крови. Ты должна удерживать власть. Говори что угодно, только успокой их».

Ее мрачный взгляд обыскал толпу, пока не наткнулся на него:

«Скотт?»

Он едва заметно кивнул:

«Я здесь. Не выводите их из себя. Дайте им то, что они хотят. А потом я уведу тебя отсюда».

Она сглотнула, попыталась собраться, но щеки у нее все еще пылали от гнева.

– Черная Рука умер сегодня ночью. С этого момента я его наследница и преемница, которой доверено возглавить вас. Которую привезли с одной встречи прямо на другую, которую заставили встречаться с совершенно незнакомыми людьми, одев в эту ужасную душащую одежду, и отвечать на кучу бестактных вопросов. В меня тычут пальцами, толкают и судят, и при этом у меня нет возможности даже перевести дух! Поэтому простите меня, если я немного запуталась.

Губы старухи сжались в тонкую линию, но она промолчала.

– Я наследница Черной Руки. Он выбрал меня. Не забывайте об этом, – закончила Нора. И хотя Скотт не был уверен, чего в этом высказывании больше – насмешки или уверенности, но оно возымело эффект: наступила тишина.

– Объясни мне одну вещь, – после тяжелой паузы снова заговорила старуха. – Что там насчет этого Патча?

Прежде чем Нора успела ответить, Данте сделал шаг вперед:

– Она рассталась с Патчем.

Нора и Скотт обменялись быстрым взглядом, а потом оба уставились на Данте.

«Что это было?» – накинулась Нора мысленно на Данте, подключая к этому беззвучному разговору и Скотта.

«Если они сейчас не признают твоего лидерства, ты умрешь из-за кровной клятвы, – ответил Данте. – Предоставь это мне».

«Лгать?»

«Есть идея получше?»

– Нора хочет возглавить нефилимов, – продолжил Данте вслух. – Она сделает все, что потребуется. Завершить дело ее отца – для нее самое важное. Дайте ей день погоревать, и

затем она войдет в курс дела, полностью отдавшись этой цели. А я буду тренировать ее. Она справится. Дайте ей шанс.

– Ты будешь натаскивать ее? – спросила старуха, пристально глядя на Данте.

– Это сработает. Верьте мне.

Старуха довольно долго колебалась.

– Клеймите ее знаком Черной Руки, – приказала она, наконец.

В глазах Норы заметался дикий ужас, и Скотт почувствовал тошноту.

Ночные кошмары. Они снова ожили и заплясали у него в голове. Быстрее. Еще быстрее.

Голова кружится. А потом появился голос. Голос Черной Руки. Скотт прижал руки к глазам, вздрагивая. Этот жуткий голос у него в голове шипел и хрипел, пока слова не слились в один звук, похожий на жужжание растревоженного улья. Метка Черной руки на его груди пульсировала. Свежей болью. Он уже не мог отличить прошлого от настоящего. И сам собой вырвался вдруг приказ:

– Стойте!

Все в комнате, казалось, замерли. И повернулись к Скотту. Он чувствовал на себе их враждебные взгляды.

Он с трудом моргнул. Времени на раздумья не было – ему нужно защитить Нору. Когда Черная Рука клеймил его самого, рядом не было никого, кто мог бы его защитить. Нельзя допустить, чтобы с Норой произошло то же самое.

Старуха двинулась к Скотту, ее ноги медленно шаркали по полу с какой-то зловещей неотвратимостью. Лицо избороздили глубокие морщины. Слезающихся зеленых глаз почти не видно из-под нависших век.

– А ты не думаешь, что ей следовало бы продемонстрировать свою преданность делу таким образом? – Ее губы скривились в бледной вызывающей улыбке.

Сердце у Скотта выпрыгивало из груди.

– Дайте ей возможность продемонстрировать это на деле.

Слова вылетели у него сами собой.

Старуха склонила голову набок:

– Что ты имеешь в виду?

В это же самое время у него в голове раздался голос Норы. «*Скотт?*» – нервно позвала она.

Он молился, чтобы в результате не вышло еще хуже. Облизнув губы, заговорил:

– Если бы Черная Рука хотел ее заклеить, он сделал бы это сам. Но он доверял ей настолько, что поручил эту работу. И для меня этого достаточно. Мы можем потерять весь день, устраивая ей проверки, а можем сразу заняться подготовкой к войне. Над нашими головами находится целый город падших ангелов. Приведите одного из них сюда. И я сделаю это лично. Поставлю клеймо. Если вы хотите, чтобы падшие ангелы понимали, насколько серьезно мы относимся к этой войне, давайте пошлем им весточку.

Он мог слышать собственное прерывистое дыхание.

На лице старухи появилась медленная улыбка.

– О, это мне нравится. Очень нравится. И кто ты, дорогое дитя?

– Скотт Парнелл. – Он оттянул воротник футболки, большим пальцем ткнув в изображение сжатого кулака на изуродованной коже. – Да здравствует дело Черной Руки!

На вкус эти слова были горькими, словно желчь.

Старуха вцепилась скрюченными пальцами в плечи Скотта и расцеловала его в обе

щеки. Ее кожа была влажной и холодной как снег.

– А я Лиза Мартин. Я хорошо знала Черную Руку. Пусть живет его дух в каждом из нас. Приведи мне падшего ангела, молодой человек, и давайте отправим послание нашему врагу.

Все закончилось очень быстро.

Скотт приволок на цепи падшего ангела, худого парня по имени Барух, которому на вид было не больше пятнадцати человеческих лет. Больше всего Скотт боялся, что они заставят Нору саму клеймить ангела, но Лиза Мартин увела ее в потайной кабинет.

Какой-то нефилим в мантии сунул раскаленное клеймо в руки Скотту. Скотт посмотрел вниз на мраморную плиту, к которой был прикован падший ангел. Не обращая внимания на угрозы Баруха отомстить, он повторил слова, которые нефилим в мантии бормотал ему прямо в ухо – в конце Черную Руку прямо-таки возвели в ранг божества, – и впечатал клеймо в обнаженную грудь падшего.

И вот теперь он стоял в туннеле около тайной комнаты, прислонившись к стене в ожидании Норы. Еще пять минут, и он сам пойдет за ней. Он не доверял Лизе Мартин. Он не доверял вообще никому из этих ряженных нефилимов. Совершенно очевидно, что они создали некое тайное общество, а Скотт придерживался стойкого убеждения, что тайное хорошим не бывает.

Дверь со скрипом открылась, Нора вышла, бросилась ему на шею и крепко его обняла. «Спасибо».

Он обнимал ее, пока она не перестала дрожать.

– Ну прямо сладкая парочка, – он попытался успокоить ее, поддразнивая, зная, что именно это вызовет нужный эффект.

Она прыснула.

– Что ж, ты сам видел: они действительно в восторге, что я их новый лидер.

– Они потрясены.

– Они потрясены тем, что Черная Рука доверил их будущее именно мне. Ты видел их лица? Я думала, они начнут рыдать. Ну, или кидать в меня тухлыми овощами.

– И что ты собираешься делать?

– Хэнк мертв, Скотт. – Она посмотрела прямо ему в лицо, прижав пальцы к вискам. И Скотт никак не мог понять, что отразилось в ее взгляде. Убежденность? Уверенность? Или, может, неприкрытое признание? – Я собираюсь это отметить.

Глава 1

Вечером того же дня

Вообще-то я не тусовщица.

Вся эта грохочущая музыка, извивающиеся тела, блуждающие улыбки – все это не мое. В моем понимании идеальный субботний вечер – это дом, диван, просмотр какой-нибудь романтической комедии в обнимку с Патчем, моим парнем. Предсказуемо, неторопливо... нормально.

Меня зовут Нора Грей. Не так давно я была обычным американским подростком, который скупал шмотки на распродажах и тратил деньги, заработанные за бебиситтерство, на iTunes... Но с некоторых пор понятие «нормальность» и я стали несовместимы. Я бы не узнала *нормальность*, если бы она подошла ко мне и ткнула меня в глаз.

Нормальность ушла из моей жизни, когда в нее вошел Патч. Патч на двадцать сантиметров выше меня, он обладатель безупречной, холодной логики, двигается, словно призрак, и живет совершенно один в суперсекретной и супершикарной студии под Дельфийским парком аттракционов. Звук его голоса, низкий и сексуальный, способен растопить мое сердце в три секунды. А еще он падший ангел, изгнанный с небес за непокорность и несоблюдение правил. Лично я подозреваю, что Патч до смерти напугал *нормальность*, и та вынуждена была бежать как можно дальше на другой край света.

Итак, нормальности в моей жизни нет, но кое-что стабильное в ней все-таки имеется. Эту стабильность зовут Ви Скай, и она является моей лучшей подругой вот уже двенадцать лет. Между мной и Ви существует неразрывная связь, несмотря на огромное количество различий. Говорят, что противоположности притягиваются, и мы с Ви лучшее тому доказательство. Я худая и довольно высокая по человеческим меркам, с густыми кудрявыми волосами, которые частенько испытывают мое терпение, и я типичный представитель альфа-личности. Ви еще выше меня, она пепельная блондинка, у нее зеленющие, как у ящерицы, глаза, а у фигуры больше изгибов, чем на американских горках. Почти всегда желания Ви расходятся с моими. И в отличие от меня Ви просто обожает хорошие тусовки.

В этот вечер Ви затащила меня в клуб на окраине города, расположенный в четырехэтажном здании склада, где было полно народу с поддельными удостоверениями личности, а танцующие выделяли столько пота, что вполне хватило бы на создание парникового эффекта. Внутри это был обычный клуб: с одной стороны – стойка бара, с другой – сцена, а посередине – танцпол. Ходили слухи, что где-то за баром есть секретная дверца, ведущая в подвал, а в подвале якобы сидит парень по имени Сторки, чей незаконный бизнес процветает. Религиозные жители нашего города все время грозились прикрыть этот притон, который развращает неокрепших подростков Колдуотера... притон, также известный под названием «Дьявольская сума».

– Давай, детка, наслаждайся! – вопила Ви, перекрикивая буханье музыки, сплетая свои пальцы с моими и поднимая наши руки над головой. Мы были в самом центре танцпола, и со всех сторон нас толкали и пихали. – Вот это я понимаю суббота! Мы с тобой, две клевые девчонки, ушедшие в отрыв. Это круто!

Я попыталась было кивнуть ей со всем возможным энтузиазмом, но парень сзади меня все время наступал мне на задники балеток, и приходилось каждые пять секунд надевать их

заново. Девушка справа от меня активно размахивала руками, и если бы я потеряла бдительность, обязательно получила бы локтем в глаз.

– Может, возьмем что-нибудь попить, – предложила я Ви. – Жарища здесь, как во Флориде.

– Это потому, что мы с тобой зажигаем, подруга! Ты только взгляни на того парня у стойки бара. Он не может оторвать глаз от тебя!

Она лизнула свой палец и прижала его к моему обнаженному плечу, зашипев при этом, словно коснулась чего-то горячего.

Я проследила за ее взглядом, и сердце у меня подпрыгнуло.

Данте Матерацци дернул подбородком в знак приветствия. Следующий его жест был менее изящным.

«Никогда бы не подумал, что ты так любишь танцевать», – произнес он в моих мыслях.

«Забавно, а я никогда бы не подумала, что ты будешь за мной следить», – ответила я ему.

Данте Матерацци и я – мы оба принадлежали к расе нефилимов, а значит, оба были способны общаться телепатически. Но на этом наше сходство заканчивалось. Данте не знал, как обращаться со мной, а я не знала, как долго мне удастся избегать его. Впервые я увидела его только сегодня утром, когда он явился в мой дом, чтобы сообщить мне, что падшие ангелы и нефилимы на пороге войны и что я должна встать во главе нефилимов. Но сейчас мне нужно было отдохнуть от мыслей и разговоров о войне. Это все было чересчур. Или, я просто устала. Так или иначе, я хотела, чтобы он исчез.

«Я оставил тебе сообщение на сотовом», – продолжал он.

«Эх, я, должно быть, его пропустила...» – А точнее, удалила.

«Нам нужно поговорить».

«Но я типа занята».

В подтверждение своих слов я покрутила бедрами и покачала руками из стороны в сторону, стараясь как можно сильнее подражать Ви, у которой любимым телевизионным каналом был «БЕТ»^[1], а хип-хоп был у нее просто в крови.

Губы Данте скривились в подобии улыбки.

«На твоём месте я бы предоставил это твоей подруге. У нее получается гораздо лучше. Жду тебя внизу. Одну».

Я взглянула на него.

«Я же занята, забыл?»

«Это срочно».

И многозначительно сдвинув брови, он растворился в толпе.

– Что ж, сам виноват, – резюмировала Ви. – Он просто не может выдержать настоящий огонь, вот и все.

– Так что насчет попить? – спросила я. – Принести тебе кока-колу?

Ви, судя по всему, не собиралась в ближайшее время прекращать танцевать. И если я хотела отделаться от Данте, лучшим способом было сейчас выслушать его. В противном случае он бы преследовал меня всю ночь.

– Давай колу с лаймом, – ответила Ви.

Я пошла в сторону бара, а убедившись, что Ви не наблюдает за мной, юркнула, пригнувшись, в коридор, а оттуда через черный ход вышла наружу. Улица была залита

голубоватым лунным светом. Впереди был припаркован красный «Порше Панамера», Данте стоял, прислонившись к нему и скрестив свободно руки на груди.

В Данте было больше чем метр восемьдесят росту, а фигура – как у солдата спецназа. Кажется, на его шее было больше мускулов, чем во всем моем теле. Одет он был в свободные штаны и белую льняную рубашку, расстегнутую на груди почти до середины и открывающую в V-образном вырезе гладкую, безволосую кожу.

– Неплохая машина, – сказала я.

– Она хорошо знает свое дело.

– Как и мой «Фольксваген», только он не в пример дешевле.

– Чтобы быть машиной, нужно чуть больше, чем просто четыре колеса.

Тьфу ты.

– Ладно, – я выставила ногу вперед. – Так что за срочность?

– Ты по-прежнему встречаешься с этим падшим ангелом?

Он задавал мне этот вопрос уже третий раз за сегодня – дважды в сообщениях, а теперь вот лицом к лицу. Мои отношения с Патчем всегда были сложными и знали много взлетов и падений, но сейчас как раз тенденция была обнадеживающая. Хотя, конечно, проблемы у нас были: в мире, где нефилимы и падшие ангелы скорее умрут, чем улыбнутся друг другу, встречаться с падшим ангелом означало абсолютное «ни-ни».

Я слегка выпрямилась.

– Ты знаешь ответ.

– Но ты будешь соблюдать осторожность?

– Осторожность прежде всего.

Нам с Патчем вовсе не нужен был Данте, чтобы понимать: от публичного проявления чувств лучше воздерживаться. Нефилимы и падшие ангелы никогда не упускают возможности проучить друг друга, а отношения между ними накалялись все сильнее с каждым днем. Сейчас ведь осень, а если точнее – октябрь, и еврейский месяц Хешван наступит всего через несколько дней.

Каждый год во время Хешвана падшие ангелы завладевают телами нефилимов и вольны делать с ними что угодно. А поскольку это единственная возможность для ангелов испытать чувственные, физические ощущения, их фантазия не знает предела. Они используют тела нефилимов, словно паразиты, не чураясь любых доступных удовольствий и даже боли. Поэтому для нефилимов Хешван – это чудовищное испытание.

Если нас с Патчем застанут держащимися за руки те, кто не должен этого видеть, мы дорого за это заплатим.

– Давай поговорим о твоём имидже, – сказал Данте. – Нам надо создать вокруг твоего имени положительный ореол. Чтобы заставить нефилимов поверить в тебя.

Я театрально щелкнула пальцами.

– А может, все дело в том, что твои собственные рейтинги слишком малы?

Данте нахмурился.

– Это не шутки, Нора. Хешван начинается через семьдесят два часа, а это означает начало войны. Падшие ангелы с одной стороны, мы с другой. И все ляжет на твои плечи, ведь ты новый лидер армии нефилимов. Кровная клятва, которую ты дала Хэнку, уже работает. И не думаю, что нужно напоминать тебе, что, если ты нарушишь ее, последствия будут весьма реальными.

У меня в животе все сжалось. Я вовсе не напрашивалась на эту работу! Благодаря моему

биологическому отцу, по-настоящему ужасному человеку по имени Хэнк Миллар, теперь я оказалась в этом жутком положении. Он путем прямого переливания крови превратил меня из обычного человека в нефилима, существо высшего порядка, чтобы я могла возглавить его армию. Я дала клятву это сделать в случае его смерти, и, если я нарушу ее, я умру. И моя мама умрет. Таковы правила. Ничего не поделаешь.

– Несмотря на все меры предосторожности, которые я принял, мы не можем полностью стереть твое прошлое. Нефилимы все равно все разнюхают. Ходят слухи, что ты встречалась с падшим ангелом, а это ставит под сомнение твою лояльность.

– Я встречаюсь с падшим ангелом.

Данте закатил глаза.

– А еще громче можешь это сказать?

Я пожала плечами. *«Ну, если ты действительно этого хочешь...»*

Не успела я набрать воздуха в легкие, как Данте подскочил и зажал мне рот рукой.

– Я понимаю, что все это достает, но не могла бы ты хоть чуть-чуть облегчить мне работу? – прошипел он мне в ухо, оглядываясь по сторонам с очевидной тревогой, хотя я была уверена, что мы здесь совершенно одни. Я была нефилимом всего двадцать четыре часа, но полностью доверяла своему новому, обострившемуся шестому чувству. Если бы нас кто-то подслушивал, я бы обязательно это почувствовала.

– Слушай, я знаю: когда мы сегодня утром познакомились, я легкомысленно заявила, что нефилимам придется смириться с тем фактом, что я встречаюсь с падшим ангелом, – сказала я, когда он убрал руку. – Но я тогда не подумала. Была слишком сердита. Сегодня целый день об этом думала. И я поговорила с Патчем. Мы будем очень осторожны, Данте. По-настоящему осторожны.

– Рад слышать это. Но мне от тебя нужно еще кое-что.

– Это что же?

– Тебе нужно встречаться с нефилимом. Со Скоттом Парнеллом.

Скотт был первым нефилимом, с которым я подружилась, причем в возрасте пяти лет. Тогда я еще ничего не знала о его истинной сущности. А в течение последних нескольких месяцев ему довелось побывать в роли моего врага, потом – подельника и соучастника преступления, а потом, наконец, и моего друга. Между нами не существовало секретов. Так же как и романтических отношений.

Я рассмеялась:

– Да ты издеваешься надо мной, Данте.

– Это будет фикция. Просто надо появляться вместе, – объяснил он. – Пока наша раса тебя не полюбит. Ты ведь стала нефилимом всего день назад. Тебя никто не знает. Людям нужны основания, чтобы полюбить тебя. А это заставило бы их относиться к тебе с бóльшим доверием. Отношения с нефилимом стали бы хорошим шагом в правильном направлении.

– Я не могу встречаться со Скоттом, – ответила я. – Он нравится Ви.

Сказать, что Ви не слишком везло в любви, было бы все равно что промолчать. За последние шесть месяцев она влюблялась дважды – в самовлюбленного предателя и вероломного мерзавца. Ничего удивительного, что в результате обоих этих «романов» ее романтический пыл сильно поутих. В последнее время мысли о любви и противоположном поле вызывали у нее только насмешливую улыбку... пока не появился Скотт. Накануне, буквально за несколько часов до моего неожиданного превращения в нефилима, мы с Ви поехали в «Дьявольскую суму», чтобы посмотреть выступление группы «Серпентина», в

которой играл Скотт, и с этого момента она говорила о нем не переставая. Взять и забрать у нее Скотта, даже если и понарошку, было бы слишком жестоко, низко и неправильно с моей стороны.

– Но это будут ненастоящие отношения, – возразил Данте, как будто это все решало.

– И Ви будет знать об этом?

– Нет, точно нет. Вы со Скоттом должны быть очень убедительны, любая утечка информации может стать катастрофой, поэтому я бы предпочел, чтобы правду знали только мы двое.

Ага, значит, Скотт тоже должен стать жертвой этого обмана. Я уперла руки в бока для убедительности:

– Тогда тебе придется найти другую кандидатуру.

Меня совершенно не привлекала идея фальшивых отношений с нефилимом ради повышения собственной популярности. На самом деле это выглядело как полный идиотизм и катастрофа, но мне хотелось, чтобы все это поскорее закончилось, поэтому, если Данте хочет, чтобы меня водил по улицам бойфренд-нефилим, пусть будет так. Это будет не по-настоящему. Разумеется, Патч не будет в восторге, но проблемы надо решать по мере их поступления, не так ли?

Данте сжал губы в тонкую линию и на мгновение прикрыл глаза. Набирается терпения. За сегодняшний день я уже привыкла к этому выражению его лица.

– Он должен принадлежать к сообществу нефилимов, – задумчиво произнес Данте наконец. – Кто-то, кем остальные нефилимы восхищаются, кого они одобряют.

Я сделала нетерпеливый жест:

– Отлично. Тогда просто подбери мне кого-нибудь, кроме Скотта.

– Я.

Я вздрогнула.

– Прости, что? *Ты?!* – От изумления я даже не смогла расхохотаться.

– Почему нет? – поинтересовался Данте.

– Ты что, правда хочешь, чтобы я огласила весь список? Потому что на это уйдет целая ночь. Во-первых, ты как минимум на пять лет старше меня по человеческим меркам, а это отличная пища для скандальных сплетен. Во-вторых, у тебя нет чувства юмора, в-третьих... да блин, мы же не выносим друг друга!

– Эта связь выглядела бы естественно. Я твой первый заместитель...

– Потому что тебя на эту позицию назначил Хэнк. У меня не было права голоса!

Данте как будто не слышал меня, продолжая развивать свою мысль:

– Мы встретились и почувствовали мгновенное и непреодолимое влечение друг к другу. Я утешал тебя после смерти отца. Правдоподобная история. – Он улыбнулся. – Это стало бы неплохим пиаром.

– Если ты еще раз произнесешь слово «пиар», я... я сделаю что-нибудь ужасное.

Например, врежу ему. А потом врежу себе за то, что вообще всерьез рассматриваю подобные предложения.

– Подумай об этом. Утро вечера мудренее.

– Утро уже наступило. – Я загнула по очереди три пальца на руке. – Раз, два, три... Так, хорошо, я подумала. Плохая идея. Очень плохая идея. Мой ответ – нет.

– У тебя есть идея получше?

– Да. Но мне нужно время, чтобы довести ее до ума.

– Замечательно. Без проблем, Нора. – Он загнул три пальца, считая до трех. – Раз, два, три... время вышло. Утром я жду от тебя имя. И в том случае, если этот выбор не будет удачным, твой имидж будет безнадежно испорчен. Весть о смерти твоего отца и о том, что ты стала новым лидером, распространяется со скоростью лесного пожара. Люди болтают разное, и много нехорошего в том числе. Нам нужно, чтобы нефилимы поверили тебе. Нам нужно, чтобы они верили, что их интересы для тебя на первом месте, что ты продолжишь и завершишь дело своего отца и приведешь нас к победе над падшими ангелами. Нам нужно, чтобы они сплотились вокруг тебя, а для этого необходимо предоставить им веские основания. Например, начать отношения с уважаемым нефилимом.

– Эй, детка, у тебя все в порядке?

Мы с Данте обернулись: в дверях стояла Ви и смотрела на нас со смесью любопытства и тревоги в глазах.

– Все в порядке! – воскликнула я, пожалуй, с излишним энтузиазмом.

– Ты все не возвращалась с напитками, и я начала беспокоиться. – Ви переводила взгляд с меня на Данте и обратно. В глазах ее метнулась тень узнавания, и я поняла, что она вспомнила, как он стоял около стойки бара. – Ты кто вообще? – спросила она его.

– Он? – вмешалась я. – Э... ну... он просто случайный знакомый...

Данте выступил вперед, протягивая руку:

– Данте Матерацци. Я новый друг Норы. Мы познакомились сегодня, чуть раньше, нас представил друг другу Скотт Парнел, наш общий знакомый.

Ви тут же просияла:

– Ты знаком со Скоттом?

– Конечно, он мой хороший друг.

– Друг Скотта – мой друг.

Я мысленно выколола себе глаза.

– И что вы двое тут делаете? – спросила Ви.

– Данте только купил новую машину, – сказала я, отступая чуть в сторону, чтобы дать ей возможность увидеть «Порше». – Не может на нее нахвалиться. Только не рассматривай слишком пристально. Я думаю, что регистрационных номеров на ней нет. Сдается мне, что бедняга Данте вынужден был ее украсть, ведь все свои деньги он потратил на эпиляцию груди. Господи, до чего же она блесит!

– Смешно, – произнес Данте.

Я думала, он застегнет хотя бы одну пуговицу на рубашке после моих слов, но он этого делать не стал.

– Если бы у меня была такая машина, я бы тоже ею хвасталась, – заявила Ви.

Данте ответил:

– Я пытался уговорить Нору прокатиться, но она категорически отказалась.

– Просто у нее очень ревнивый парень. Он скорее всего не ходил в детский садик, потому что у него напрочь отсутствуют понятия о таких простых вещах, как «надо делиться». Если бы он узнал, что ты катал Нору на своей машине, обернул бы твоей машиной ближайшее дерево.

– Ого, – встряла я, – вы только взгляните, который уже час! Разве ты не спешишь... куда-то, Данте?

– У меня вся ночь свободна. – Он растянул губы в улыбке, и я поняла, что он наслаждается каждым моментом этого вмешательства в мою личную жизнь. Сегодня утром я

четко дала ему понять, что любые контакты между нами должны быть приватными, никто не должен знать о них. И вот сейчас он наглядно демонстрирует, насколько ему плевать на мои «правила». В отчаянной попытке сравнять счет я посмотрела на него своим самым холодным и презрительным взглядом.

— Да ты везунчик! — воскликнула Ви. — Ведь теперь понятно, как ты проведешь эту ночь. Будешь тусить с двумя самыми клевыми девчонками во всем Колдуотере, мистер Данте Матерацци!

— Данте не танцует, — торопливо предупредила я.

— Пожалуй, сегодня сделаю исключение, — ответил он, открывая перед нами дверь.

Ви захлопала в ладоши, прыгая на месте.

— Я знала, знала, что эта ночь будет офигительной! — завопила она, ныряя под руку Данте.

— После вас. — Данте положил руку мне на спину, слегка подталкивая внутрь. Я сбросила его руку, но он, к моему великому раздражению, только наклонился к моему уху и прошептал:

— Я рад, что мы поговорили.

«Мы ни о чем не договорились, — предупредила я, на этот раз мысленно. — Насчет моего потенциального бойфренда. Мы ничего не решили! Просто мелочь, о которой я согласна подумать на досуге. И к слову, моя подруга вообще-то не должна была знать о твоём существовании».

«Твоя подруга считает, что я вполне мог бы дать фору твоему нынешнему бойфренду». — Данте развлекала эта ситуация.

«Она вообще считает, что любой, у кого в груди бьется сердце, может занять его место. У них много разногласий».

«Звучит многообещающе».

Он шел за мной по короткому коридору к танцполу, и я все время чувствовала, как он высокомерно и гаденько улыбается.

Громкая монотонная музыка била мне по мозгам словно кувалда. Я чувствовала, как наливается болью голова, боль пульсировала в висках и переносице. Облокотившись одной рукой на барную стойку, другой рукой я прижала стакан с ледяной водой ко лбу.

— Уже устала? — спросил Данте, оставив Ви на танцполе одну и скользнув на табурет рядом со мной.

— Как ты думаешь, на сколько ее еще хватит? — спросила я обреченно.

— Ну, похоже, у нее открылось второе дыхание.

— В следующий раз в магазине лучших друзей напости мне ни в коем случае не брать Кролика Энерджайзера. Она ведь никогда не остановится...

— А вот ты, похоже, готова, чтобы тебя подвезли домой хоть сию секунду.

Я покачала головой.

— Я за рулем и не могу оставить Ви тут одну. Нет, серьезно, когда же у нее кончатся силы?

Я задавалась этим вопросом вот уже час.

— Знаешь что, езжай-ка ты домой. А я останусь с Ви. Когда она, наконец, выдохнется, подвезу ее.

— Думаю, тебе не стоит вмешиваться в мою личную жизнь. — Я старалась, чтобы мой

голос звучал уверенно, но я была слишком измучена, и убежденности мне явно не хватало.

– Ты устанавливаешь правила, не я.

Я закусила губу.

– Ну... разве что один раз. И потом, ты понравился Ви. И у тебя достаточно сил, чтобы составить ей компанию в танцах. Возможно, не такая уж это плохая идея...

Он слегка толкнул мою ногу.

– Хватит тут рассуждать, иди уже домой.

К своему изумлению, я вздохнула с облегчением:

– Спасибо, Данте. За мной должок.

– Ты можешь заплатить его уже завтра. Нам надо закончить наш разговор.

Разумеется, все мои теплые чувства тут же улетучились. Этот Данте снова стал занозой у меня в заднице.

– Если что-нибудь случится с Ви, отвечать будешь лично ты.

– С ней все будет в порядке, и ты это знаешь.

Нравился мне Данте или нет, но тому, что он говорил, я верила безоговорочно. В конце концов, он ведь был в моем подчинении, присягнул мне на верность. Может быть, в роли лидера нефилимов найдутся и некоторые положительные моменты, а не только неприятности. С этой мыслью я покинула клуб.

Ночь была безоблачной, луна лила с небес свой голубоватый свет, разгоняя темноту. Я шла к машине, а вдогонку мне неслась музыка из «Дьявольской сумы». Головная боль начала потихоньку уходить.

В сумочке у меня зазвонил телефон, который дал мне Патч (его невозможно было прослушать).

– Как ваш девичник, закончился? – спросил Патч.

– Если Ви дать волю, мы бы веселились всю ночь. – Я скинула туфли и подцепила их указательным пальцем руки. – А я могу думать только о постели.

– Значит, мы думаем об одном и том же.

– Ты тоже думаешь о постели?! – Но Патч говорил мне, что редко ложится спать.

– Я думаю *о тебе* в моей постели.

Внизу живота у меня стало горячо.

Прошлой ночью я впервые осталась у Патча, но мы решили пока спать в разных комнатах, чтобы противостоять страсти и соблазну. Я еще не была уверена в том, как далеко готова зайти в наших отношениях, но инстинкт подсказывал мне, что Патч никаких колебаний и сомнений не испытывает.

– Меня ждет мама, – сказала я. – Время не самое подходящее.

В этот момент я вспомнила недавнюю беседу с Данте. Надо бы ввести Патча в курс дела.

– Мы можем встретиться завтра? Надо поговорить.

– Звучит как-то нехорошо.

Я чмокнула трубку:

– Я скучала по тебе сегодня.

– Ночь еще не окончена. Я закончу дела и могу заскочить к тебе. Оставь окно своей комнаты открытым.

– А что у тебя за дела?

– Я кое за кем слежу.

Я нахмурилась.

– Довольно расплывчато.

– Так, мой объект начал движение, мне пора, – проговорил он. – Приду, как только смогу.

И отключился.

Я брела по тротуару, размышляя, за кем же может следить Патч и зачем ему это надо. И почему все это выглядит таким зловещим. Наконец показалась моя машина – белый «Фольсваген Кабриолет» 1984 года выпуска. Закинув туфли на заднее сиденье, я села за руль и включила зажигание, но машина не заводилась. Она снова и снова издавала рычащие и хрипящие звуки, а я в ответ изобретала все новые и новые ругательства в адрес этой бесполезной кучи металла.

Эта машина свалилась мне в руки в качестве подарка от Скотта, и часов, проведенных в ней в горьких слезах, было почти столько же, сколько километров на счетчике. Я вышла из машины и открыла капот, задумчиво уставившись на сплетение проводов и деталей под крышкой. У нас уже были проблемы с карбюратором, мотором и свечами зажигания. Что оставалось?

– Проблемы с машиной?

Я обернулась, чуть не подпрыгнув от неожиданности, на гнусавый голос за спиной. Я и не слышала, как подошел его обладатель. И что еще более странно, не почувствовала.

– Похоже на то, – ответила я.

– Помощь нужна?

– Скорее мне нужна новая машина.

Он издал короткий, нервный смешок.

– А что, если я вас подвезу? Вы вроде симпатичная девушка. Мы могли бы приятно побеседовать по дороге.

Я держалась от него на расстоянии, судорожно пытаюсь сообразить, кто же это может быть. Интуиция подсказывала мне, что он не человек. Но и нефилимом он тоже не был. Забавно, но в падшие ангелы он тоже явно не годился. У него было круглое лицо херувима с невинным выражением, светлые волосы желтоватого оттенка и уши, как у Дамбо^[2]. Выглядел он настолько безобидным, что это немедленно заставило меня насторожиться. Немедленно напрячься.

– Спасибо за предложение, но я лучше попрошу свою подругу подвезти меня.

Его улыбка растаяла, и он схватил меня за рукав.

– Не уходите.

В голосе его звучало буквально отчаяние.

Пораженная, я слегка попятилась.

– То есть... я имею в виду... я хотел сказать... – булькал он, а потом уставил на меня горящие глаза: – Мне нужно поговорить с вашим бойфрендом.

Сердце у меня бешено заколотилось, волна паники накрыла меня с головой. А если он все-таки нефилим, а я просто не смогла его распознать? Что, если он действительно знает про нас с Патчем? Что, если он пришел сюда, чтобы донести до меня послание от нефилимов: нефилим и падший ангел не могут быть вместе? Я же совсем новенький нефилим, можно сказать, новорожденный и не смогу противостоять ему, если дело дойдет до физической конфронтации.

– У меня нет бойфренда. – Я старалась успокоиться, продвигаясь в сторону

«Дьявольской сумы».

– Помоги мне связаться с Патчем! – крикнул он мне вслед, и голос его прервался снова, сорвавшись на отчаянный писк. – Он избегает меня!

Я ускорила шаги.

– Скажи ему, что, если он будет продолжать прятаться от меня, я... я выкурю его из укрытия! Я сожгу весь Дельфийский парк аттракционов, если понадобится!

Я бросила осторожный взгляд через плечо. Я понятия не имела, какое Патч имеет к этому отношение, но у меня неприятно засосало под ложечкой. Кто бы ни был этот внешне безобидный человек, он был настроен решительно.

– Он не сможет избегать меня вечно!

И незнакомец пошел прочь, перекачиваясь на своих коротеньких ножках, насвистывая какую-то мелодию, а у меня от этого по спине побежали мурашки.

Полчаса спустя я наконец-то подъехала к дому.

Я живу с мамой в самой что ни на есть типичной фермерской усадьбе. Белые стены, синие ставни, а вокруг почти всегда туман. Была осень, поэтому деревья горели красным и золотым, а воздух был наполнен горьким ароматом сосновой смолы, опавшей листвы и дыма. Я взбежала на крыльцо, со ступенек которого на меня взирали пять осанистых тыкв, и вошла в дом.

– Я дома! – крикнула я маме: свет в гостиной недвусмысленно намекал, что она именно там. Я бросила ключи на комод и пошла к ней.

Мама загнула уголок страницы книги, которую читала, встала с дивана и крепко меня обняла.

– Ну, как прошел вечер?

– Я официально сообщаю, что у меня совершенно нет ни на что сил. – Я показала наверх. – Если мне удастся добраться до собственной постели, это будет величайшим усилием воли с моей стороны.

– Пока тебя не было, тебя спрашивал какой-то мужчина.

Я нахмурилась. Что это еще за мужчина?

– Он не назвал своего имени и не сказал мне, откуда тебя знает, – продолжала мама. – Мне уже начинать волноваться?

– А как он выглядел?

– Круглое лицо, плотненький такой, волосы светлые.

Хм, однако. Это, похоже, тот самый человек, который разыскивает Патча. Я изобразила беззаботную улыбку:

– А, точно! Это продавец. И он все еще пытается уговорить меня поработать в его студии. Наверное, скоро будет втюхивать мне приглашения на выпускной. Слушай, а это будет совсем ужасно, если я не буду умываться сегодня на ночь? Если я не лягу спать в течение следующих двух минут, я просто упаду.

Мама поцеловала меня в лоб:

– Сладких снов, дорогая.

Я поднялась наверх в свою комнату, закрыла дверь и рухнула на постель. Музыка из «Дьявольской сумы» все еще звучала у меня в голове, но я слишком устала, чтобы это меня беспокоило. Глаза у меня закрывались, но я вспомнила про окно, со стоном поднялась и открыла шпингалет. Патч сможет войти, но ему потребуется удача, если он хочет найти меня бодрствующей.

Я натянула одеяло до самого подбородка, чувствуя, как мягкие волны сна накатывают на меня и уносят с собой... все дальше, покачивая и баюкая...

И тут матрас прогнулся под тяжестью еще одного тела.

– Не понимаю, что ты нашла такого притягательного в этой кровати, – произнес Патч. – В длину ей не хватает как минимум сантиметров двадцати, в ширину как минимум пару метров, а фиолетовые простыни – это точно не мой выбор. Вот моя кровать, напротив...

Я открыла глаза и увидела, что он вытянулся рядом со мной, закинув руки за голову. Его темные глаза смотрели прямо на меня, а его запах сводил меня с ума. И кроме того, он крепко прижимался ко мне. И несмотря на все мои благие намерения, когда он был так

близко, почему-то спать не так уж и хотелось.

– Ха, – ответила я. – На самом деле я ведь понимаю, что тебе плевать, насколько удобна моя кровать. Ты неплохо устроишься и на куче кирпичей.

Патч был падшим ангелом. И одной из неприятных сторон этого было то, что он не мог испытывать физических ощущений. Никаких – ни боли, ни наслаждения. Мне приходилось мириться с тем, что, когда я целую его, он чувствует это только на эмоциональном уровне. Я старалась сделать вид, что это не имеет значения, но мне хотелось, чтобы он чувствовал возбуждение и волнение от моих прикосновений.

Он легонько коснулся моих губ.

– О чем ты хотела поговорить?

Я не могла вспомнить. Что-то такое насчет Данте... Что бы там ни было, все это казалось пустяком. И вообще любые разговоры сейчас казались мне пустяками. Я придвинулась ближе, Патч поглаживал меня по обнаженной руке, и теплая волна удовольствия прокатилась по мне до самых кончиков пальцев ног.

– Когда же я смогу увидеть, как ты танцуешь? – спросил он. – Мы никогда не ходили в «Дьявольскую суму» вместе.

– Ты немного потерял. Сегодня мне как раз сказали, что мой танец напоминает трепыхания рыбы, выброшенной на берег.

– Ви могла бы быть поделикатнее с тобой, – промурлыкал он, нежно целуя меня в ухо.

– Ви в данном случае ни при чем. Это Данте Матерацци сказал, – призналась я, не подумав. Просто я и не могла сейчас думать – поцелуи Патча приводят меня в такое состояние, когда говоришь все, что приходит в голову.

– Данте? – повторил Патч, и тон у него был довольно неприятный.

О, черт!

– Видимо, я забыла сказать, что Данте тоже был там, – сказала я.

Патч сегодня утром тоже присутствовал при нашей первой встрече с Данте. И на протяжении всей очень напряженной встречи я чувствовала, что они готовы вцепиться друг другу в горло. И это явно не была любовь с первого взгляда. Патчу не понравилось, что Данте вел себя как мой политический советник и втягивал меня в войну с падшими ангелами... А Данте – ну, Данте ненавидел падших ангелов в принципе.

Взгляд Патча стал холодным.

– Что ему было нужно?

– Ой, теперь я вспомнила, о чем хотела с тобой поговорить. – Я щелкнула пальцами. – Данте старается продать меня получше расе нефилимов. Я ведь их лидер теперь. Проблема в том, что они мне не доверяют. Они меня попросту не знают. И Данте решил, что его миссия – изменить этот факт.

– Расскажи-ка мне то, чего я не знаю.

– Данте думает, что было бы неплохо, если бы я... ну, если бы я начала с ним встречаться. Не волнуйся! – заторопилась я. – Это понарошку. Только для публики. Чтобы заставить нефилимов думать, что их лидер в порядке. Таким образом, мы смогли бы избавиться от слухов, что я встречаюсь с падшим ангелом. Если бы я встречалась с себе подобным, это очень укрепило бы мои позиции. Нас могли бы называть Норанте. Или Данора. Тебе нравится, как это звучит? – Я пыталась свести разговор к шутке.

Рот Патча искривился в гримасе.

– Вообще-то мне НЕ нравится, как это звучит.

– Надеюсь, что это тебя утешит: я не выношу Данте. Так что не переживай.

– А чего переживать? Моя девушка хочет встречаться с другим парнем, всего-то.

– Это только фикция. Попробуй взглянуть на это с хорошей стороны...

Патч рассмеялся, но смех его был невеселым.

– А есть еще и хорошая сторона?

– Это все только на время Хешвана. Нефилимы Хэнка повсюду готовятся к нему. Он обещал им освобождение, и они все еще верят в то, что это произойдет. Когда этот Хешван начнется, а потом закончится так, как заканчивался любой другой Хешван в истории, они поймут, что потерпели поражение. И постепенно все встанет на свои места. А сейчас они слишком верят в то, что я могу освободить их от падших ангелов. Слишком сильно надеются на это, и нам нужно, чтобы они были довольны.

– А тебе не приходило в голову, что, когда освобождение не состоится, нефилимы могут обвинить в этом тебя? Хэнк слишком много им обещал, но, когда они проиграют, никто не станет винить его. Ты их новый лидер. Ты будешь стоять во главе этой кампании, Ангел, – сказал он серьезно.

Я уставилась в потолок. Конечно, я об этом думала. Сегодня я думала об этом гораздо больше, чем хотела. До безумия много.

Только прошлой ночью архангелы сделали мне предложение, от которого я не могла отказаться. Они пообещали дать мне силу, чтобы убить Хэнка, если я остановлю восстание нефилимов. Поначалу я не планировала идти на эту сделку, но Хэнк вынудил меня. Он пытался сжечь перо Патча и таким образом отправить его в ад. И я его застрелила.

Теперь Хэнк был мертв, а архангелы ждали, что я смогу предотвратить войну.

Но на самом деле все было сложнее. За несколько часов до смерти Хэнка я дала ему клятву возглавить его армию нефилимов. Не могла поступить иначе – он грозил смертью мне и моей маме.

Как одновременно выполнить обещание, данное архангелам, и не нарушить клятву? Я видела только один выход: я все-таки *должна возглавить* армию Хэнка. Но для мира. Конечно, вряд ли он имел в виду именно это, когда заставлял меня произнести слова клятвы, но теперь его уже не было в живых и он не смог поспорить со мной о деталях.

При этом я никак не могла избавиться от неприятных мыслей, что, если восстание будет подавлено, нефилимы так и останутся в рабстве у падших ангелов. Это было как-то неправильно, но жизнь полна трудных решений, это я знала слишком хорошо. И сейчас меня больше заботило, чтобы довольными остались архангелы, а не нефилимы.

– Что мы знаем про эту мою клятву? – спросила я Патча. – Данте говорит, она вступила в силу, когда Хэнк умер, но кто определяет, выполнила я ее или нет? Кто решает, что я могу и что не могу делать в соответствии с этой клятвой? Ну, вот, например, взять тебя. Я доверяю тебе, падшему ангелу и заклятому врагу нефилимов. Разве я не должна упасть замертво?

– Клятва, которую ты дала, звучала очень расплывчато и неопределенно. К счастью. – В голосе Патча и правда слышалось облегчение.

О да, она была неопределенной, тут он прав: «Если ты умрешь, я возглавлю твою армию, Хэнк». И все, ни слова больше.

– До тех пор, пока ты у власти и возглавляешь нефилимов, думаю, ты соблюдаешь клятву, – сказал Патч. – Ты никогда не обещала Хэнку начинать войну.

– Другими словами, план состоит в том, чтобы предотвратить войну и тем самым удовлетворить архангелов.

Патч вздохнул, почти незаметно.

– Есть вещи, которые не меняются.

– После Хешвана, когда нефилимы отступят и мы увидим торжествующие улыбки на лицах архангелов, все будет позади. – Я поцеловала его. – И останемся только ты и я.

Патч застонал:

– Но это будет еще так не скоро!

– Эй, слушай. – Мне хотелось перевести разговор на *любую* тему, далекую от войны. – Я сегодня столкнулась с одним человеком. И этот человек очень хочет поговорить с тобой.

Патч кивнул:

– Пеппер Фрайберг.

– А у этого Пеппера лицо круглое, как баскетбольный мяч?

Патч снова кивнул:

– Он преследует меня, потому что думает, что я могу вернуться к тому договору, что между нами был. Он вовсе не хочет разговаривать со мной, Нора. Он хочет отправить меня в ад и таким образом избавиться от меня.

– А это только мне кажется довольно серьезным?

– Пеппер Фрайберг – архангел, но он пытался усидеть на двух стульях. Он ведет двойную жизнь, половину времени являясь архангелом, а другую половину проводит как человек. До сих пор ему удавалось брать от этих двух миров лучшее. У него имеется сила архангелов, которую он далеко не всегда использует с добрыми намерениями, ведь ни один из человеческих пороков ему не чужд.

Так значит, Пеппер – архангел. Ничего удивительного, что я не смогла его идентифицировать. У меня не слишком большой опыт в общении с архангелами.

Патч продолжил:

– Кто-то прознал про его делишки и, говорят, начал его шантажировать. Если Пеппер не заплатит в ближайшее время, его каникулы на земле станут вечными. Архангелы отберут у него силу и вырвут ему крылья, если обнаружат, что он тут творил. И тогда он застрянет здесь навечно.

Кусочки пазла встали на место.

– И он думает, что *ты* его шантажируешь.

– Некоторое время назад я узнал, чем он занимается. Я согласился хранить его тайну в обмен на его обещание помочь мне достать копию Книги Еноха. Он свое обещание не выполнил, и вполне логично с его стороны предположить, что я в ярости. Но я думаю, он где-то допустил промах, и теперь какой-то другой падший ангел хочет использовать информацию о его проделках.

– А ты Пепперу об этом говорил?

Патч улыбнулся.

– Я работаю над этим. Он не слишком расположен к разговорам.

– Он говорит, он сожжет Дельфийский парк, если будет нужно, чтобы выкурить тебя оттуда.

Я знала, что архангелы не осмеливаются заходить внутрь Дельфийского парка аттракционов, в котором полно падших ангелов – это небезопасно для них. Поэтому угроза Пеппера явно имела смысл.

– Он ходит по лезвию бритвы и близок к отчаянию Мне нужно залечь на дно.

– Залечь на дно?

– Да, спрятаться. Пригнуться.

Я приподнялась на локте и уставилась на Патча:

– И как же в эту картинку вписываюсь я?

– Он думает, что ты – его путь ко мне. Он сейчас скорее всего прилипнет к тебе как банный лист. Пока мы с тобой тут разговариваем, он припарковался на соседней улице и шарит вокруг в поисках моей машины. – Патч провел пальцем по моей щеке: – Он хорош. Но не настолько хорош, чтобы лишить меня возможности проводить время с моей девушкой.

– Обещай мне, что всегда будешь на два шага впереди него.

Мысль о том, что этот Пеппер может найти Патча и отправить его скорым поездом прямиком в ад, обдала меня волной жара.

Патч подцепил пальцем вырез моей майки, подтянул меня к себе и поцеловал.

– Не волнуйся, Ангел. У меня опыта в подобных делах побольше, чем у него.

* * *

Когда я проснулась, постель рядом со мной была пуста и уже остыла.

Я улыбалась, вспоминая, как сладко было засыпать в объятиях Патча, и старалась не думать о том, что, возможно, этот Пеппер Фрайберг, или мистер-архангел-с-грязным-секретом, провел всю ночь, сидя около моего дома и играя в шпионов.

Мысленно я вернулась на год назад, когда уже второй год училась в старшей школе. Я тогда не думала ни о чем, кроме мальчиков, и даже представить себе не могла, что будет дальше. Патч для меня значил гораздо больше, чем я могла выразить словами. Его любовь и вера в меня давали мне силы принимать те сложные решения, к которым в последнее время меня подталкивала жизнь. Если вдруг у меня появлялись хоть какие-то сомнения или сожаления, стоило только подумать о Патче, и все становилось на свои места. Я не была так уж уверена, что всегда и во всем делаю правильный выбор, но одно знала точно: с Патчем я точно не ошиблась.

Я никогда не откажусь от него. Никогда.

Около полудня позвонила Ви.

– Как насчет того, чтобы пробежаться? – спросила она. – У меня как раз есть пара новых теннисных туфель, и мне нужно проверить этих ребят в деле.

– Ви, у меня от наших ночных танцев мозоли на ногах! И постой-ка. Когда это ты полюбила бегать?

– Не секрет, что у меня имеется парочка лишних килограммов, – ответила она. – Кость у меня, конечно, широкая, но все же это не оправдание для слабых мышц. Есть тут парень, и зовут его Скотт Парнелл, и возможно, потеряв эту парочку лишних килограммов, я все же наберусь храбрости и подойду к нему. По крайней мере я собираюсь это сделать. Хочу, чтобы Скотт смотрел на меня так, как Патч смотрит на тебя. Конечно, я никогда раньше не замораживалась всякими этими диетами и прочими штучками, но теперь я начинаю новую жизнь. И начиная с сегодняшнего дня люблю спорт. Это мое новое кредо.

– Да? А я тут при чем?

– Но ты же моя лучшая подруга! Я заеду за тобой через двадцать минут. Не забудь повязочку на голову – от влажности твои волосы встают дыбом.

Повесив трубку, я надела спортивный лифчик, натянула через голову футболку и сунула ноги в теннисные туфли.

Ви приехала минута в минуту. И почти сразу стало понятно, что мы едем совсем не на школьный стадион. Она вела свой фиолетовый «Неон» в противоположную от школы сторону, что-то мыча себе под нос.

– Куда мы едем? – спросила я.

– Я подумала, что бегать лучше всего по холмам. Хорошо развивает ягодичные мышцы. – Она свернула на Дайкон-роад, и тут меня осенило:

– Постой-ка... На Дайкон-роад живет Скотт!

– Дай-ка подумать... точно, да.

– Мы будем бегать рядом с домом Скотта? Но это как-то... я не знаю... не слишком ли?

– Это очень грустный взгляд на вещи, Нора. Не будь занудой! Подумай, разве это плохая мотивация? Видеть цель прямо перед глазами.

– Что, если он нас увидит?

– Ты дружишь со Скоттом. Если он увидит нас, скорее всего подойдет и заговорит с нами. И будет невежливо с нашей стороны, если мы не остановимся и не уделим ему пару минут нашего драгоценного времени.

– Другими словами, бег тут совершенно ни при чем. Ты просто хочешь подцепить Скотта.

Ви покачала головой:

– Какая же ты скучная, Нора.

Она ехала по Дайкон-роад, живописной улице, с обеих сторон обсаженной живыми изгородями, – еще буквально пара дней, и их буйная зелень скроется под снегом.

Скотт жил со своей матерью, Линн Парнелл, в жилом комплексе, который находился прямо за следующим поворотом. Летом Скотт сбежал отсюда и скрывался. Он дезертировал из армии Хэнка Миллара, и Хэнк устроил на него настоящую охоту, чтобы преподать наглядный урок остальным. А когда я убила Хэнка, Скотт смог вернуться домой.

Бетонный забор защищал границы частной собственности, и хотя я была уверена, что его назначение – закрывать от посторонних глаз личное пространство, я все же не могла отделаться от ассоциаций с лагерем для военнопленных. Ви въехала в ворота, а у меня в голове вдруг вспыхнуло воспоминание о том, как она помогала мне влезть в спальню Скотта. Тогда я считала его ублюдком, не способным ни на что хорошее. Да уж, как все изменилось.

Ви припарковалась около теннисных кортов. Сетки уже давно сняли, а покрытие кто-то разрисовал граффити.

Мы вышли и пару минут разминались. Потом Ви сказала:

– Что-то я побаиваюсь оставлять машину без присмотра в таком месте. Может, давай побегаем вокруг комплекса, чтобы я могла видеть свою малышку.

– Ага-ага. А еще чтобы Скотт наверняка мог случайно нас увидеть.

На Ви были надеты розовые спортивные штаны с золотой надписью «Дива» через всю попу, и розовая же флисовая куртка. Она была при полном макияже, в ушах покачивались бриллиантовые сережки, на пальце сверкало кольцо с рубином, и пахла она духами Ruge Poison от Кристиана Диора. Что и говорить, самый подходящий прикид для пробежки.

Мы медленно побежали по грязной дорожке, которая вела в глубь комплекса. Солнце уже было высоко, и через три круга я сняла кофту и обвязала ее вокруг бедер. Ви подбежала к одной из скамеек и тяжело плюхнулась на нее, жадно хватая ртом воздух:

– Фух... мы, наверно, километров десять уже пробежали, – заявила она.

Я посмотрела на дорожку. Да уж... десять. Если пробежать еще девять.

– А давай заглянем к Скотту в окошко, – предложила Ви. – Сегодня же воскресенье.

Вдруг он заспался и нужно, чтобы хороший друг разбудил его своим звонком.

– Скотт живет на третьем этаже. И если у тебя в багажнике твоего «Неона» не припрятана раскладная пожарная лестница, то с заглядыванием в окно вряд ли что-то выйдет.

– Ну, тогда можно поступить проще: можно просто постучать в его дверь.

В эту секунду на парковку с ревом ворвался оранжевый «Плимут Барракуда» 1970 года. Из него вышел Скотт. Как и у всех нефилимов, сложение у Скотта было вполне атлетическое. А еще он был очень высоким, почти под два метра. Волосы он подстриг совсем коротко, почти под ноль, и надо признать, что выглядел действительно очень привлекательно: такой мужественный и крепкий на вид. Одет он был сегодня в мешковатые баскетбольные шорты и футболку с оторванными рукавами.

Ви начала обмахиваться.

– Ни фиги себе.

Я уже подняла руку, собираясь помахать, чтобы привлечь внимание Скотта, но тут пассажирская дверь «Барракуды» открылась и появился Данте.

– О, смотри-ка, – обрадовалась Ви. – Это же Данте. Простая математика – их двое, нас двое. Я же говорила, я люблю бегать.

– Ага, а теперь вот и я чувствую неодолимую потребность немедленно побежать, – буркнула я. Бежать и бежать, как можно быстрее и дальше отсюда, пока между мной и Данте не будет приличного расстояния. Я была совсем не настроена продолжать вчерашний наш разговор. И терпеть Ви в качестве свахи я тоже была не настроена. Она слишком вживалась в эту роль.

– Поздно. Нас заметили. – Ви завертела рукой над головой, как будто это был винт вертолета.

Она была права: Скотт и Данте, стоя около машины, покачивали головами и усмехались.

– Ты преследуешь меня, Грей? – крикнул Скотт.

– Он твой, – сказала я Ви. – А я собираюсь закончить пробежку.

– А как же Данте? Он же будет чувствовать себя третьим лишним, – возразила Ви.

– Ничего, ему это только на пользу, поверь мне.

– Где пожар, Грей? – закричал мне вслед Скотт, и, к моей досаде, они с Данте двинулись к нам.

– Я тренируюсь, – ответила я. – Я подумываю о... подумываю об участии в соревнованиях по бегу.

– Но соревнования будут только весной, – вмешалась Ви.

Да чтоб тебя!

– Ух-ах, у меня давление падает! – крикнула я Скотту и поспешно рванула в противоположном направлении.

Я слышала, как Скотт бежит за мной. Через минуту он схватил меня за лямку майки и шутливо потянул к себе:

– Расскажешь мне, что происходит?

Я повернулась к нему лицом:

– А на что это похоже?

– Похоже на то, что вы с Ви приехали сюда, чтобы увидеть меня, притворяясь, что совершаете пробежку.

Я стукнула его по плечу в знак одобрения:

– Отличная работа, мастер.

– Тогда почему ты убегаешь? И почему Ви благоухает как парфюмерная фабрика?

Я стояла молча, давая ему возможность догадаться самостоятельно.

– А-а-а... – протянул он наконец.

Я развела руками:

– Что ж, я свое дело сделала.

– Не пойми меня неправильно, но... я не уверен, что готов провести наедине с Ви целый день. Она... ее очень много.

Не успела я открыть рот и дать ему мудрый совет «Расслабься и получай удовольствие», как у меня за спиной возник Данте.

– Можно тебя на пару слов? – спросил он.

– О господи, – вздохнула я.

– Я, в свою очередь, откланяюсь, – заявил Скотт и, к моему неудовольствию, потрусил прочь, оставляя меня наедине с Данте.

– Ты можешь бежать и разговаривать одновременно? – спросила я Данте, здраво рассудив, что все-таки лучше мне будет не смотреть ему в глаза, когда он будет снова излагать мне планы относительно наших с ним отношений, а то он случайно может прочесть мои мысли на этот счет.

Вместо ответа Данте побежал рядом со мной.

– Приятно видеть, что ты тренируешься, – заметил он.

– Это почему же? – выдохнула я, сдувая прилипшие пряди волос с потного лица. – Тебе доставляет удовольствие смотреть на меня, когда я отвратительно выгляжу?

– Поэтому тоже. Но в основном потому, что хорошая пробежка очень поможет в свете тех планов, что я на тебя имею.

– Ты имеешь на меня какие-то планы? Почему у меня такое чувство, что мне совсем не хочется слышать о них?

– Нора, сейчас ты, возможно, и стала нефилимом, но ты находишься в невыигрышном положении. Ты не отличаешься высоким ростом, и у тебя нет той физической силы, которой обладают урожденные нефилимы.

– Я гораздо сильнее, чем ты думаешь, – возразила я.

– Ты сильнее, чем была раньше. Но не такая сильная, как урожденная женщина-нефилим. У тебя то же обычное человеческое тело, что было раньше, и если раньше оно тебе вполне годилось, то сейчас его будет явно недостаточно. Ты слишком субтильная и удручающе маленькая по сравнению со мной. И мышцы у тебя не в лучшей форме.

– Теперь ты мне льстишь.

– Я, конечно, могу говорить тебе то, что ты хочешь слышать, вместо правды, но разве настоящие друзья так поступают?

– А зачем, собственно, ты мне все это говоришь?

– Ты не готова к сражениям. У тебя нет шансов справиться с падшим ангелом. Это же очевидно.

– Я запуталась. А почему я должна сражаться? Я думала, вчера я достаточно ясно выразилась. Никакой войны не будет. Я собираюсь дать нефилимам мир.

А за спиной у меня стоят архангелы.

И мы с Патчем решили единогласно, что иметь во врагах нефилимов все-таки менее опасно, чем всемогущих архангелов. Было очевидно, что Данте не терпится вступить в бой, но наши желания не совпадали. А поскольку лидером нефилимской армии стала я, то и решения принимать должна была я. Я чувствовала, что Данте пытается на меня давить, и мне это очень не нравилось.

Он остановился, схватил меня за запястье и развернул к себе лицом.

– Ты не сможешь контролировать все, что происходит вокруг, – он говорил спокойно, а меня вдруг затрясло мелкой дрожью, как будто я проглотила кубик льда. – Знаю, ты думаешь, что я против тебя, но я обещал Хэнку присматривать за тобой. Я скажу тебе одну вещь, Нора. Если разразится война, даже если просто бунт, восстание, тебе не справиться. Не в твоей сегодняшней форме. А если с тобой что-то произойдет и ты не сможешь возглавить армию нефилимов, получится, что ты нарушишь клятву, а ты знаешь, что это значит.

О да, я знала, что это значило, очень хорошо знала. Это значило прыгнуть в собственную могилу. И утащить за собой маму.

– Я хочу научить тебя кое-каким приемам в качестве меры предосторожности, – сказал Данте. – Вот и все, что я хотел тебе предложить.

Я сглотнула:

– Ты думаешь, если я буду тренироваться с тобой, у меня будет достаточно силы, чтобы защитить себя?

Ну, от падших ангелов, возможно. А вот что насчет архангелов? Я обещала им предотвратить восстание. А готовиться к боям, это как-то противоречит данному обещанию.

– Я думаю, попытаться стоит.

Мысли о войне заставляли мой желудок болезненно сжиматься и скручиваться в узел, но я не хотела показывать Данте свой страх. Он и так был уверен, что я не смогу защитить себя в случае чего.

– Так кем же ты будешь? Моим псевдобойфрендом или персональным тренером?

Уголки его губ дрогнули в улыбке:

– И тем и другим.

Когда Ви привезла меня домой после пробежки, на моем телефоне было два неотвеченных звонка.

Один от Марси Миллар, которая была моим заклятым врагом и одновременно, по иронии судьбы, как недавно выяснилось, моей сестрой по крови, но отнюдь не по духу. Все свои семнадцать лет я жила, не догадываясь, что у той самой девчонки, которая воровала мое шоколадное молоко в начальной школе и лепила женские прокладки на мой шкафчик в старшей, общая со мной ДНК.

Марси узнала это первая, и именно она сообщила мне обо всем. Между нами была молчаливая договоренность не выносить наше родство на всеобщее обсуждение. И по большому счету это знание не изменило ничего в нас самих. Марси оставалась для меня анорексичной безмозглой пустышкой, и я по-прежнему, прогуливаясь, оглядывалась по сторонам в ожидании пакости, которую она подстроит мне в следующий раз.

Марси не оставила сообщения, а я даже предположить не могла, чего ей от меня было надо, поэтому я перешла к следующему звонку. Незвестный номер. Голосовое сообщение в виде тяжелого дыхания, медленного и явно мужского. И ни слова. Возможно, Данте. А возможно, Патч. А еще, возможно, Пеппер Фрайберг. Приложив минимальные усилия, Пеппер вполне мог раздобыть мой номер. Не слишком-то вдохновляющая мысль.

Я достала из-под кровати свою свинью-копилку, вытащила пробку-обманку и вытряхнула из нее семьдесят пять долларов. Данте сказал, что завтра в пять зайдет за мной, чтобы отправиться на пробежку по пересеченной местности, а потом бросил презрительный взгляд на мои тенниски и заметил: «Они не выдержат и дня настоящей тренировки». Вот я и собиралась потратить свои сбережения на беговые кроссовки.

Хотя я не относилась к перспективе войны так же серьезно, как Данте хотелось бы, особенно в свете нашего с Патчем секретного плана предотвращения нефилимского восстания, но в его словах о моих размерах, скорости и ловкости была доля правды. Я действительно была меньше, чем любой нефилим, которого я знала. В отличие от них я родилась в человеческом теле: средний вес, средне развитая мускулатура, все среднее, и только прямое переливание крови превратило меня в нефилима. Я была одной из них только теоретически, но не на деле. Мне не хотелось из-за этого становиться легкой добычей, а тихий голос где-то на краю моего сознания шептал, что так оно и будет.

Поэтому я должна сделать все, чтобы стать сильнее.

— А почему нужно начинать тренироваться в такую рань? — это был мой первый вопрос к Данте, но на самом деле я уже знала ответ.

Чемпион мира по бегу, показывающий свой самый лучший результат, будет выглядеть, словно он неторопливо прогуливается, если рядом с ним будет бежать нефилим. Я предполагала, что нефилимы способны развивать скорость до пятидесяти миль в час. Если мы с Данте с такой скоростью будем носиться по школьному стадиону, то стопроцентно привлечем к себе ненужное внимание. А в предрассветный час понедельника большинство людей еще спит, что дает нам с Данте прекрасную возможность чувствовать себя свободно и непринужденно.

Я положила деньги в карман и спустилась вниз по лестнице.

– Буду через несколько часов! – крикнула я маме.

– Мясо в горшочках будет готово к шести, не опаздывай! – ответила она из кухни.

Через двадцать минут я вошла в двери магазина «Камера хранения Пита», направилась в обувной отдел. Я примерила несколько пар кроссовок, выставленных на полке с надписью «распродажа»: Данте, конечно, мог отобрать у меня утро понедельника (у школьных учителей планировалось какое-то совещание или вроде того, так что занятия отменили), но это не значило, что я должна потратить на него еще и все мои сбережения.

Заплатив за кроссовки, я взглянула на время: еще не было и четырех.

Стараясь соблюдать осторожность, мы с Патчем договорились не звонить друг другу в публичных местах без особого повода, но я внимательно осмотрелась по сторонам и убедилась, что совершенно точно никого нет поблизости. Только потом достала из сумки телефон, который дал мне Патч, и набрала его номер.

– У меня есть пара свободных часов, – сказала я ему, идя к своей машине, припаркованной через квартал. – А в Локаут Хилл Парк есть один очень уединенный, очень укромный сарайчик за каруселью. И я могу быть там через пятнадцать минут.

В его голосе послышалась улыбка.

– Ты хочешь соблазнить меня.

– Мне просто нужна доза эндорфинов.

– А уединиться со мной в укромном сарайчике, значит, поможет тебе ее получить?

– Нет, скорее всего это введет меня в эндорфиновую кому. И мне не терпится проверить эту теорию на практике. Я только что вышла из «Камеры хранения Пита». Если светофоры будут на моей стороне, я буду там через десять...

Договорить мне не удалось.

На моей голове вдруг оказался мешок, меня схватили чьи-то сильные руки. От неожиданности я выронила телефон. Я кричала и пыталась высвободиться, но тот, кто тащил меня по улице вперед, был слишком силен. Я слышала, как подъезжает большой автомобиль, он остановился чуть позади. Дверца открылась, и меня впихнули внутрь.

Воздух внутри машины (скорей всего это был фургон) пропах потом и лимонным освежителем. Печка была включена на максимум, поэтому я моментально вспотела. Наверно, это входило в их планы.

– Что происходит?! Что вам надо?! – возмущенно кричала я. Наверно, весь ужас происходящего до меня еще не дошел, поэтому я была больше взбешена, чем напугана. Ответа не последовало, но слышно было дыхание двоих людей. Значит, двое плюс водитель – всего три. Против меня одной.

Руки у меня были связаны за спиной вместе, как будто какой-то цепью. И лодыжки тоже в цепях. Я лежала на полу фургона на животе, уткнувшись носом в пол, с мешком на голове. Попыталась было сменить положение, но не смогла – при любом движении плечевой сустав грозился выскочить из своей сумки. От злости и бессилия я снова закричала и получила ощутимый пинок в бедро.

– Заткнись! – произнес мужской голос.

Ехали мы довольно долго. Минут сорок пять, наверно. В голове у меня все перемешалось, я не могла мыслить логически и здраво. Могу ли я сбежать? Как? Убежать от них? Нет. Перехитрить? Возможно. А еще ведь был Патч: он должен понять, что меня похитили. Он найдет потерянный мной телефон на улице около магазина Пита, но как он узнает, куда меня увезли?

Поначалу фургон несколько раз останавливался на светофорах, но в целом дорога была свободная, и мы ехали дальше, покачиваясь и подпрыгивая, словно на американских горках, что дало мне основания думать, что мы покинули город и едем по холмам предместья. Моя футболка была насквозь мокрой от пота, я не могла вздохнуть полной грудью. Дышать становилось все труднее, и паника внутри меня все росла.

Под колесами фургона шуршал гравий, машина ехала все в гору, в гору. Но, наконец, двигатель замолк. Похитители схватили меня за ноги и выволокли из машины наружу, а там стащили мешок с моей головы.

Я оказалась права: их было трое. Двое мужчин и одна женщина.

Они оттащили меня в длинный деревянный дом и приковали цепью к декоративной балке, которая шла от пола до самого потолка. Света в доме не было – наверно, электричество было отключено. Мебели немного, ее покрывали белые чехлы. Воздух в доме был всего на пару градусов теплее, чем на улице, и было понятно, что хозяева отсутствуют. Кто-то, видимо, законсервировал дом на зиму и переехал в город.

– Орать нет смысла, – сказал мне самый огромный из похитителей. – Здесь на километры вокруг нет ни одной живой души.

На нем была ковбойская шляпа и темные очки, но маскировка эта была излишней: я была абсолютно уверена, что никогда не видела его раньше. Мое шестое чувство подсказывало мне, что все трое – нефилимы. Но что им надо от меня?

У меня не было даже тени предположения на этот счет.

Я попыталась вырваться из цепей, но они лишь жалобно звякнули в ответ.

– Была бы ты *настоящим* нефилимом, могла разорвать эти цепи, – произнес Ковбой. Он, видимо, был самым разговорчивым из них троих. Другие двое у него за спиной только смотрели на меня с отвращением.

– Что вам нужно? – повторила я холодно.

Ковбой криво ухмыльнулся:

– Я хочу знать, с чего это вдруг такая маленькая никчемная принцесска, как ты, возомнила, что революция нефилимов ей по плечу!

Я выдержала его полный ненависти взгляд, с трудом удерживаясь, чтобы не выплюнуть правду ему в лицо. Никакой революции не будет. Через какие-то пару дней, когда наступит Хешван, он и его дружки окажутся в полном распоряжении падших ангелов. Хэнк Миллар, хитрец, выполнил самую легкую часть работы: он задурил им головы обещаниями и мечтами о восстании и свободе. Мне же теперь предстояло совершить настоящее чудо.

И я не собиралась этого делать.

– Я следил за тобой, – сказал Ковбой, придвигаясь ко мне. – Порасспросил кое-кого там и тут и выяснил, что ты встречаешься с Патчем Киприано, падшим ангелом. Разве эти отношения могут пойти тебе на пользу?

Я невольно сглотнула.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Я прекрасно понимала, какая опасность меня подстерегает, если правда о наших с Патчем отношениях выплывет на поверхность. Конечно, я старалась соблюдать осторожность, но, видимо, старалась недостаточно.

– Я порвала все отношения с Патчем, – солгала я. – Что бы там ни было у нас, это в прошлом. Я знаю, в чем мой долг. Как только я стала нефилимом...

Он скорчил гримасу:

– Не стала ты нефилимом! – Он смерил меня взглядом с головы до ног. – Ты только взгляни на себя! Ты жалкая! У тебя нет никакого права называться нефилимом. Глядя на тебя, я вижу человека. Слабую, сопливую девчонку, самозванку!

– Вы злитесь потому, что я не такая сильная физически, как вы, – спокойно констатировала я.

– Да кто говорит о силе! У тебя нет гордости. В тебе не чувствуется преданности делу. Я уважал Черную Руку как лидера, потому что он заслужил это уважение. У него была цель, и он действовал. Да, он назвал тебя своей преемницей, но для меня это ничего не значит. Ты хочешь, чтобы я тебя уважал? Так заставь меня! – Он тыкал мне пальцем чуть ли не в лицо. – *Заслужи* это, принцесса!

Заслужить его уважение? Чтобы стать похожей на Хэнка? Хэнк был мерзавцем и лжецом. Он обещал своим людям невозможное, он заставил их поверить в несбыточное. Он использовал и обманывал мою маму и сделал меня пешкой в своей грязной игре. Чем больше я думала о том положении, в котором я оказалась, оставшись воплощать в жизнь его несбыточные фантазии, тем сильнее закипало во мне бешенство.

Я холодно взглянула Ковбою в глаза. А потом со всей силы ударила его ногой в грудь. Его отбросило назад, к стене, по которой он сполз вниз, на пол. Другие двое кинулись вперед, но внутри меня уже бушевал слишком сильный огонь. Незнакомая, но всепоглощающая сила заполнила меня. Я с легкостью разорвала цепи, услышав, как металлические звенья одно за другим со звоном падают на пол, и, не теряя времени даром, пустила в ход кулаки. Запулив ближайшему ко мне нефилиму в живот, я со всей силы пнула женщину ногой. Удар пришелся ей в бедро, и я поразилась тому, с какими поистине железными мышцами столкнулась моя нога. Никогда в жизни я даже представить себе не могла, что женщина может быть такой сильной и выносливой.

Данте был прав: драться я не умела. Я упустила момент, хотя и понимала в глубине души, что надо действовать немедленно, атакуя их снова и снова, пока они не пришли в себя от неожиданности. Вместо этого я застыла, потрясенная собственными действиями, приняв оборонительную позу, и ожидала, что будут делать они.

Ковбой бросился на меня и с силой толкнул обратно к столбу. От удара у меня перехватило дыхание, и я согнулась пополам, тщетно хватая ртом воздух.

– Я еще не закончил, принцесса! Это тебе предупреждение. Если узнаю, что ты так и крутишь роман с падшим ангелом, мало тебе не покажется. – Он похлопал меня по щеке: – Даю тебе время подумать о своих приоритетах. К нашей следующей встрече, для твоего же блага, я надеюсь, ты расставишь их верно.

Он дернул подбородком, подавая другим знак уходить, и все трое вышли за дверь.

Мне понадобилось несколько минут на то, чтобы снова начать дышать нормально и прийти в себя. Затем я выглянула за дверь: снаружи никого не было, только дорожная пыль оседала в воздухе. Незаметно подкрались сумерки, и на горизонте уже тускло поблескивали, словно осколки битого стекла, первые звезды.

Я стояла на маленьком крыльце дома и соображала, как же мне теперь попасть домой, когда послышался приближающийся рев двигателя. Я приготовилась к тому, что это возвращаются Ковбой и его команда, но на дороге показался спортивный «Харлей».

Патч.

Бросив мотоцикл, он в три шага подскочил ко мне:

– Ты не ранена? – спросил он, ощупывая мое лицо обеими руками и оглядывая меня на предмет повреждений. В глазах его плескалась смесь облегчения, тревоги и гнева. – Где они? – такого жесткого голоса я у него, кажется, еще не слышала.

– Их было трое, все нефилимы, – проговорила я. Голос у меня все еще дрожал от страха и от того удара в солнечное сплетение, который не давал мне как следует дышать столько времени. – Они уехали минут пять назад. Как ты нашел меня?

– Я активировал маячок.

– Ты установил на меня маячок?!

– Да, прикрепил на внутреннюю поверхность кармана твоей куртки. Хешван начинается уже во вторник, в новолуние, а ты нефилим, который еще никому из падших ангелов не давал клятвы. К тому же дочь Черной Руки. Ты дорого стоишь, и это делает тебя очень привлекательной добычей для каждого из местных падших ангелов. Ты не должна никому приносить клятву, Ангел, ты понимаешь это? И если ради этого мне придется нарушать твое личное пространство, что ж, смирись с этим.

– Смириться? Прошу прощения... – Я не была уверена, чего мне больше хотелось: обнять его или стукнуть.

Патч не обратил на мое возмущение ни малейшего внимания.

– Расскажи мне все, что можешь, об этих нефилимах. Внешность, марка машины, все что угодно, что может помочь мне их найти. – Глаза его сверкали яростью. – И заставить их заплатить.

– А мой телефон ты тоже прослушиваешь? – поинтересовалась я, все еще не до конца переварив мысль о том, что Патч вмешался в мое личное пространство, не предупредив меня об этом.

Он ответил без колебаний:

– Да.

– Другими словами, у меня больше нет секретов от тебя.

Выражение его лица смягчилось. В других обстоятельствах то, что сейчас появилось у него на губах, можно было бы даже характеризовать как улыбку.

– Парочка секретов от меня у тебя все-таки еще осталась, Ангел.

О'кей, значит, я все-таки кое-что могу.

– Их главный прятался за темными очками и ковбойской шляпой, но я уверена, что никогда не видела его раньше. А другие двое... мужчина и женщина... на них была совершенно обычная одежда.

– Машина?

– У меня на голове был мешок, но уверена, что это был фургон. Двое сидели сзади вместе со мной, а дверца открывалась с таким звуком, как будто ее вели в сторону, когда меня вытаскивали наружу.

– Еще что-нибудь?

Я сообщила Патчу, что главарь в курсе наших тайных отношений.

– Хм, – произнес Патч. – Если правда о нас выплывет на поверхность, неприятностей не избежать. – Брови его сошлись на переносице, а глаза стали такими темными, что казались бездонными. – Ты уверена, что готова оставаться со мной, когда за тобой так пристально следят? Я не хочу терять тебя, но, если все равно придется, я бы хотел, чтобы это было наше решение, а не их.

Я взяла его за руку, отметив, какая у него холодная кожа. Он стоял, не шелохнувшись, словно приготовившись к худшему.

– Либо я с тобой, либо меня нет совсем, – ответила я.

И я действительно говорила то, что думала. Однажды я уже потеряла Патча, и пусть это звучит слишком мелодраматично, но я бы предпочла умереть. Он был смыслом моей жизни. Он был нужен мне. Мы с ним были двумя половинками одного целого.

Патч крепко взял меня за плечи и заглянул мне в лицо:

– Я знаю, тебе не понравится эта идея, но все-таки: нам стоит подумать о том, чтобы инсценировать публичную ссору. Продемонстрировать всем, что мы расстались. Если эти ребята настроены так серьезно и копают так глубоко, мы не сможем быть уверенными, что они ничего не найдут. Это становится похоже на охоту на ведьм, и лучше, если мы будем опережать их хотя бы на шаг.

– Инсценировать ссору? – повторила я, чувствуя, как меня охватывает ледяная дрожь.

– Мы же будем знать правду, – прошептал Патч мне в ухо, грея мои руки в своих ладонях. – Я не намерен потерять тебя.

– А кто еще будет знать правду? Ви? Моя мама?

– Чем меньше они знают, тем они в большей безопасности.

Я издала протестующий возглас:

– Я и так слишком много врала Ви! Не думаю, что снова могу ее обмануть. Я все время чувствую себя виноватой перед ней и хочу быть честной. Особенно в таких важных для меня вопросах!

– Это твое право, – мягко сказал Патч. – Но они не станут мучить и пытаться ее, если ей действительно нечего будет им сказать.

Я понимала, что он прав. Разве есть у меня на самом деле выбор? Разве могу я подвергать свою лучшую подругу опасности только ради того, чтобы иметь чистую совесть?

– Нам, возможно, не удастся провести Данте. Ты слишком тесно с ним общаешься, – продолжал Патч. – И, может, будет даже лучше, если он будет знать правду. Он сможет донести слух о нашем разрыве до влиятельных нефилимов. – Патч стянул с себя кожаную куртку и укрыл ею мои плечи. – Давай я отвезу тебя домой.

– А можем мы сначала заехать к «Камере хранения Пита»? Мне нужно поискать свой телефон и тот, который ты мне дал. Один выпал у меня из рук, когда они напали, а второй остался в сумке. И если нам повезет, то мои новые кроссовки еще тоже там.

Патч поцеловал меня в макушку:

– Оба эти телефона нужно отключить. Они принадлежали тебе, и я склонен предполагать, что нефилимы воспользовались случаем и уже вставили в них жучки. Лучше будет купить новые.

Мне стало очевидно одно: если раньше я еще сомневалась в том, что мне нужны тренировки с Данте, то теперь все сомнения отпали. Мне необходимо научиться драться, и

как можно быстрее. В промежутках между попытками скрыться от Пеппера Фрайберга и совещаниями со мной о моей новой роли лидера нефилимов Патч отлично защищал меня, но теперь настало время самой о себе позаботиться.

Когда я вернулась домой, было уже совсем темно.

Я вошла в дверь, и моя мама выскочила из кухни мне навстречу. Она выглядела одновременно встревоженной и сердитой.

– Нора! Ну, где же ты была?! Я звонила тебе, но у тебя включен автоответчик!

Мне захотелось треснуть себя по лбу. Ужин! В шесть! Я совершенно забыла о нем.

– Прости, мам, мне очень жаль, – заговорила я. – Я оставила свой телефон в магазине. А к тому времени, как заметила, что потеряла его, было уже время ужина, и мне понадобилось возвращаться за ним через весь город. Я его не нашла, и теперь я не только осталась без телефона, но и тебя вот расстроила. Прости, пожалуйста. У меня не было возможности позвонить.

Как же ужасно, что снова приходится врать маме. Я делала это столько раз, что, казалось бы, могла уже привыкнуть, но мне все равно было больно. Я все меньше и меньше становилась похожа на ее дочь, и все больше и больше – на Хэнка. Мой биологический отец был просто виртуозным и непревзойденным лжецом. И вот я уподобляюсь ему.

– Ты не могла остановиться и найти, откуда можно было бы позвонить мне? – Ее слова прозвучали так, словно она не слишком верит в мою историю.

– Такое больше не повторится, мам. Я обещаю!

– А ты не с Патчем была случайно? – От меня не укрылась презрительная интонация, с которой она произнесла его имя.

Патч вызывал у моей матери те же чувства, что и еноты, которые вечно переворачивали вверх дном все на нашем заднем дворе. И я не сомневаюсь, что она не раз предавалась сладостным мечтам о том, как стоит на крыльце нашего дома с ружьем в руках, целясь ему в голову.

Я набрала воздуха в грудь, мысленно обещая себе, что это будет последняя ложь.

Если нам с Патчем действительно придется публично изображать расставание, лучше всего начать прямо сейчас. Почва для подобных семян очень даже подходящая. Я убеждала себя, что забочусь о безопасности мамы и Ви, а остальное уже не так важно.

– Я больше не с Патчем, мам. Мы расстались.

Ее брови взлетели вверх, но на лице явно читалось сомнение.

– Да, это случилось только что, и нет, я не хочу об этом говорить. – Я пошла по ступенькам вверх.

– Нора...

Я обернулась, и вдруг слезы потекли из моих глаз. Они были неожиданными, это не было игрой. Просто я вспомнила, как чувствовала себя тогда, когда мы с Патчем действительно расстались. Ощущение потери вдруг нахлынуло на меня с такой силой, что я начала задыхаться. Эти воспоминания всегда будут преследовать меня. Патч был частью меня – лучшей частью. Без него я испытывала только опустошение и растерянность. А не хотела испытывать это снова. Никогда.

Выражение маминого лица сразу изменилось. Она поднялась ко мне по лестнице, ласково погладила меня по спине и прошептала мне на ухо:

– Я люблю тебя. Если ты передумаешь и захочешь поговорить, то...

Я кивнула, а потом закрылась у себя в комнате.

Я уговаривала себя не расстраиваться, стараясь, чтобы это звучало убедительно. Это всего-навсего один шаг назад. Ненадолго. И я вовсе не вру маме и Ви. Я просто хочу, чтобы им ничего не угрожало. Да, честность в большинстве случаев – это лучшая политика. Но иногда нужна и ложь во спасение, правда, ведь? Звучало это довольно убедительно, но желудок у меня все равно болезненно сжимался.

Где-то на краю сознания меня царапала мысль, которая не давала мне покоя: как долго мы с Патчем сможем притворяться... чтобы это не стало правдой?

Пять часов утра понедельника наступили слишком быстро. Я выключила будильник и снова откатилась на подушки, бормоча себе под нос: еще две минутки... Закрыв глаза, я снова отдалась во власть дремы и уже даже начала видеть какой-то сон, как вдруг мне в лицо полетела моя одежда.

– Проснись и пой, – произнес Данте, стоя в темноте около моей постели.

– Что ты здесь делаешь?! – завопила я сонным голосом, хватаясь за одеяло и натягивая его как можно выше.

– Делаю то, что положено делать персональному тренеру. Пытаюсь вытащить тебя из постели и заставить одеться. Если ты не выйдешь на крыльцо через три минуты, я вернусь и вылью на тебя ведро ледяной воды.

– Но как ты сюда попал?

– Ты оставила окно открытым. Стоит отвыкнуть от этой привычки. Трудно контролировать происходящее, когда проход открыт кому угодно.

Он отошел к дверям, а я выскочила из постели.

– Ты что, ненормальный?! Не вздумай выйти в коридор! Мама может тебя услышать. Сам подумай: парень появляется из моей комнаты ночью... Стыд какой! Да меня накажут на всю жизнь!

Его это явно забавляло:

– А кстати... я бы не стал особо стыдиться.

Он вышел, а я еще секунд десять стояла как вкопанная, размышляя, нужно ли искать подтекст в его словах. Ну, разумеется, нет. Конечно, иногда может показаться, что он флиртует со мной, но на самом деле это не так. Точно не так.

Я натянула черные легинсы и футболку из микрофибры, а волосы собрала в хвост. Как бы там ни было, я буду неплохо выглядеть, когда Данте загонит меня в могилу.

Ровно три минуты спустя я встретила с ним на тропинке. Оглянувшись вокруг, я вдруг поняла, что не хватает какой-то важной детали.

– А где твоя машина?

Данте слегка стукнул меня в плечо:

– Так ты лентяйка? Ай-яй-яй. Я-то думал, мы согреемся, совершив марш-бросок километров на пятнадцать. – И он махнул рукой в сторону леса за дорогой.

Когда-то в детстве мы с Ви любили играть в этом лесу, мы даже построили там как-то летом шалаш. Но я никогда не представляла себе, насколько он большой и как далеко тянется. А ведь как минимум километров на двадцать.

– После вас.

Я колебалась. Если честно, я не очень была готова бежать сейчас в дикий лес с Данте. Он был одним из приближенных людей Хэнка. Этого достаточно, чтобы не доверять ему.

Здорово рассуждая, я вообще не должна была соглашаться тренироваться с ним, а тем более в столь отдаленных и уединенных местах.

– После тренировки нам нужно обсудить кое-что относительно морали, нефилимов, их ожиданий и отношения к тебе, – добавил Данте.

После тренировки. Значит, он не собирается бросить меня на дно заброшенного колодца в течение следующих нескольких часов. И к тому же ведь Данте теперь подчиняется мне. Он присягнул мне. Он больше не заместитель Хэнка, теперь это мой заместитель. Нет, он не посмеет причинить мне вред.

В последний раз с тоской подумав о мягкой, теплой постели, я стряхнула с себя остатки сна и побежала к лесу. Ветки над моей головой образовывали нечто вроде шатра, закрывая даже те слабые отблески света, которые давала занимающаяся заря. Но я все видела благодаря острому нефилимскому зрению и бежала, перепрыгивая через поваленные деревья, уклоняясь от низкорастущих веток и стараясь не споткнуться о торчащие корни и прочие препятствия. Дорога была предательски неровной, один неверный шаг на такой скорости мог стоить мне очень дорого и обернуться катастрофой.

– Быстрее! – покрикивал у меня за спиной Данте. – И выше поднимай ноги! Ты бежишь как стадо напуганных носорогов! Я могу услышать тебя и поймать с закрытыми глазами!

Я прислушалась к его замечанию и постаралась ставить ноги на землю как можно мягче и по возможности бесшумно. Данте унесся вперед, обогнав меня без малейшего усилия.

– Поймай меня! – приказал он мне.

Бросившись в погоню за ним, я поразилась скорости и ловкости моего нового тела нефилима. Просто удивительно, насколько неповоротливым, тяжелым и неловким, оказывается, было мое прежнее человеческое тело по сравнению с этим. Мои физические возможности выросли многократно, и это было великолепно.

Я ныряла под ветки, перепрыгивала через огромные валуны и огибала препятствия с такой легкостью, как будто пробегала эту полосу препятствий уже сотни раз и знала ее наизусть. И все-таки, как ни быстро я бежала, как ни взлетала над землей, как ни приземлялась с кошачьей мягкостью и грацией, Данте по-прежнему был далеко впереди. Он двигался, как животное, гонимое охотничьим инстинктом в поисках очередной добычи. Вскоре я и вовсе потеряла его из виду.

Я замедлила бег, вслушиваясь изо всех сил. Ничего. А через секунду он вдруг появился из темноты впереди.

– Жалкое зрелище, – сообщил он. – Давай еще раз.

Следующие два часа я провела, безуспешно гоняясь за ним, чтобы услышать снова и снова: «Давай еще раз. Еще раз. Еще раз... Опять плохо. Еще раз».

Я уже готова была сдаться: ноги дрожали от усталости, а легкие разрывались так, словно по ним водили наждачной бумагой, – когда Данте вдруг возник передо мной и хлопнул меня по плечу в знак одобрения:

– Отличная работа. Завтра начнем силовые упражнения.

– О? Будем таскать бульжники? – предположила я скептически, все еще отдуваясь и стараясь выровнять дыхание.

– Нет, деревья с корнем вырывать.

Я уставилась на него.

– Разбрасывать в разные стороны, – уточнил он жизнерадостно. – Как следует выпись. Тебе это не помешает.

- Эй! – окликнула я его. – Но ведь мой дом в нескольких километрах отсюда!
- В пяти, если быть точным. Как раз хватит для заключительной пробежки.

Через двенадцать часов после этой изнурительной тренировки я поднималась по лестнице, чувствуя, что у меня болят абсолютно все мышцы, а каждое движение, кажется, причиняет невыносимые страдания. Но мне стоило поторопиться: Ви должна была приехать за мной через десять минут, а я все еще не передела пропитанную потом спортивную одежду, в которой провела почти целый день.

Сегодня вечером мы с Патчем решили инсценировать наш разрыв, так что у окружающих не должно было остаться сомнений относительно наших отношений: наши пути разошлись, и мы находимся по разные стороны баррикад. Сцену разрыва решено было разыграть в «Дьявольской суме», популярном среди нефилимов клубе. Хотя неизвестно, кто именно из нефилимов напал на меня накануне и будут ли они присутствовать в клубе сегодня вечером, мы с Патчем были уверены, что весть о нашем разрыве распространится очень быстро. К тому же Патч узнал, что сегодня в баре работает один из очень преданных делу нефилимов. И это, как уверял Патч, тоже сыграет нам на руку.

Я сменила свой спортивный костюм на свитер-платье плотной вязки, колготки и короткие сапожки. Собрала волосы в низкий пучок, выпустив несколько прядей около лица. Вздыхнув, я посмотрела на свое отражение в зеркале и изобразила улыбку. В целом я выглядела неплохо для девушки, которая собиралась порвать с любовью всей своей жизни.

Я убеждала себя, что последствия этой публичной ссоры продлятся всего пару недель. Только пока не кончится вся эта суматоха с Хешваном.

И потом, ссора же будет ненастоящая. Патч обещал, что мы найдем способ встречаться. Украдкой в укромных местах. Нужно только быть предельно осторожными.

– Нора! – позвала с лестницы мама. – Ви приехала.

– Пожелай мне удачи, – шепнула я своему отражению, взяла пальто и шарф и выключила в комнате свет.

– Будь дома в девять, – предупредила мама, когда я спустилась в гостиную. – И не спорь. Завтра в школу.

Я поцеловала ее в щеку и захлопнула за собой дверь.

Окно «Неона» Ви было открыто, и из него неслась песня Рианны. Я плюхнулась на пассажирское сиденье:

– Удивительно, как это твоя мама согласилась отпустить тебя накануне школы! – прокричала я, стараясь переорать громкую музыку.

– А она вчера ночью улетела в Небраску. Ее дядя Марвин умер, и они делят его наследство. За мной присматривает тетя Хэнни. – Ви отвернулась и состроила неприязненную гримасу.

– Это не та тетя, которая пару лет назад загремела в реабилитационный центр?

– Именно. Хуже всего, что это оказалось бесполезно. У нее в холодильнике канистра яблочного сока, но это самый забродивший яблочный сок, который я когда-либо в жизни пробовала.

– И твоя мама доверила ей присматривать за тобой?

– Думаю, перспектива получить немножко денег дядюшки Марвина облегчила ей эту задачу.

Мы ехали по Хоторн, подпевая песням, несущимся из приемника, и пританцовывая на

сиденьях. Я очень нервничала и волновалась, но решила, что лучше делать вид, будто ничего особенного не происходит.

В «Дьявольской суме» сегодня было на удивление мало народу, полно свободных столиков, и публика была приличная. Мы с Ви заняли кабинку, повесили свои пальто и сумки и заказали колу.

Я нетерпеливо оглядывалась в поисках Патча, но его не было видно. Мысленно я несчетное количество раз прорепетировала свою речь, но пальцы у меня все равно дрожали, а ладони вспотели. Я вытерла их о бедра, жалея об отсутствии у меня актерского дара. И о том, что я не люблю сцены и повышенного внимания.

– Что-то ты неважно выглядишь, – заметила Ви.

Я хотела было съязвить, что это меня укачало от ее манеры вождения, но в этот момент взгляд Ви сосредоточился на чем-то у меня за спиной, и выражение лица у нее стало мрачным.

– О, черт, нет. Скажи мне, что Марси Миллар не флиртует там с моим мужчиной!

Я повернула голову в сторону сцены. Скотт и остальной состав «Серпентины» готовились к выступлению, а Марси, поставив локотки на сцену, явно старалась втянуть Скотта в беседу.

– С твоим мужчиной? – переспросила я.

– Ну, почти моим. Это вопрос времени. Какая разница!

– Марси флиртует со всеми. Я бы не волновалась.

Ви сделала несколько глубоких вдохов, сердито раздувая ноздри. Марси, словно почувствовав идущие от Ви негативные флюиды, оглянулась и послала нам свою самую ослепительную улыбку.

– Сделай же что-нибудь, – велела мне Ви. – Убери ее от него! *Немедленно.*

Я вскочила и направилась к Марси, по пути пытаясь натянуть на лицо улыбку. К тому времени, как я приблизилась к Марси, моя улыбка выглядела уже довольно натурально.

– Привет, – позвала я.

– О, Нора, привет. А я тут как раз говорила Скотту, как люблю независимую музыку. В нашем городе еще никто ничего стоящего в этом стиле не сделал. Я думаю, это клево, что он пытается исправить эту досадную оплошность.

Скотт подмигнул мне, а я едва удержалась от того, чтобы закатить глаза.

– Что ж... – Я лихорадочно соображала, чем заполнить повисшую паузу. Ви велела мне ее убрать, но как? Не могу же я просто прогнать Марси от Скотта. И вообще, я-то тут при чем? Почему я должна во всем этом участвовать? Это же проблемы Ви, не мои.

– Мы можем поговорить? – вдруг спросила Марси, спасая меня из этого затруднительного положения.

– Конечно, у меня есть минутка, – ответила я. – Может быть, отойдем туда, где потише?

Словно прочитав мои мысли, Марси схватила меня за руку и потащила к задней двери и на улицу. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что мы одни она заговорила:

– Мой отец рассказывал тебе что-нибудь обо мне? – Она понизила голос: – Ну, об этом нефилимстве, я имею в виду. Я в последнее время как-то странно себя чувствую. Какая-то усталость, и боли в животе. Может быть, это какая-то разновидность нефилимских месячных? Мне казалось, я уже прошла через это.

Вот как я должна была сообщить Марси, что чистокровные нефилимы, какими являлись ее родителями, редко воспроизводят потомство, а когда производят, дети получаются

болезненными и слабыми? Как я должна была сказать ей, что незадолго до смерти Хэнк признался, что скорее всего Марси недолго проживет на этом свете?

Не могла я ей такого сказать, разумеется.

– Иногда и я чувствую усталость и боль в животе, – ответила я. – Думаю, это нормально...

– Ага, но все-таки мой отец говорил что-нибудь обо мне? – настаивала она.

– Я думаю, твой отец любил тебя и хотел бы, чтобы ты жила обычной жизнью, без всяких этих нефилимских заморочек. Он хотел, чтобы ты была счастлива.

Марси посмотрела на меня с недоверием.

– Счастлива? Да я же урод! Даже не человек! И можешь не надеяться, что я хоть на минуту забуду, что и ты тоже такая! В этом мы одинаковые. – Она ткнула указательным пальцем в мою сторону.

О господи, вот только этого мне не хватало. Одинаковая... с Марси Миллар.

– Чего ты от меня на самом деле хочешь, Марси? – спросила я.

– Я хочу убедиться, что ты понимаешь: если вдруг хоть одна живая душа узнает, что я не человек, я тебя похороню. Сожгу тебя заживо.

Я начинала терять терпение:

– Во-первых, Марси, если бы я хотела рассказать кому-нибудь, что ты нефилим, я бы уже это сделала. А во-вторых, кто мне поверит? Ты сама подумай. «Нефилим» – не самое распространенное словечко в словаре большинства наших знакомых!

– Отлично, – фыркнула Марси, по всей видимости удовлетворившись моим ответом.

– Мы закончили?

– А если мне будет нужно с кем-нибудь обсудить это? – не успокаивалась она. – Я же не могу пойти с этим к своему психотерапевту.

– Хм... а твоя мама? – предложила я. – Она же тоже нефилим, не забыла?

– С тех пор как мой отец умер, мама отказывается признавать правду о нем. Она вообще отказывается отвечать на вопросы и уверена, что он скоро вернется, что он все еще любит ее, что он отзовет заявление о разводе, и наша жизнь войдет в прежнее русло.

«Отказывается отвечать на вопросы...» Что же, вполне возможно. Хотя и не исключено, что влияние Хэнка на сознание бывшей жены было настолько велико, что продолжает действовать и после его смерти. Хэнк и тщеславие – близнецы-братья. Он не хотел бы, чтобы кто-нибудь очернил память о нем. И насколько я знала, никто в Колудотере этого не делал. Словно какой-то дурманивший туман опустился на жителей нашего города, включая нефилимов, не давая им задаваться вопросом, а что, собственно, с ним приключилось. Ни одного слуха, ни одной версии его гибели. Люди, говоря о нем, просто бормотали: «Как это неожиданно... упокой, Господи, его душу... Бедная семья, надо бы спросить, чем я могу помочь...»

А Марси продолжала:

– Но он не вернется. Он умер. Я не знаю, как, почему и кто это сделал, но он никогда не исчез бы, если бы не был мертв. Это совсем не похоже на него. Он умер. Я точно знаю.

Я старалась сохранить сочувствующее выражение лица, но ладони у меня снова вспотели. Патч был единственным существом на земле, который знал, что это я отправила Хэнка в могилу. И мне совсем не хотелось включать Марси в список осведомленных об этом.

– Ты не слишком расстроена, кажется, – заметила я.

– Мой отец был замешан в очень нехороших делах. Он заслужил то, что получил.

Я бы могла очень много рассказать Марси прямо здесь и прямо сейчас, но что-то было не так. Она не сводила с моего лица пристального холодного взгляда, и было такое чувство, что она догадывается, что я знаю нечто важное о смерти ее отца, и ее равнодушие – только уловка, чтобы заставить меня разговориться.

Но я не собиралась попадаться в эту ловушку, если это действительно было так.

– Пережить потерю отца нелегко, уж я-то знаю, – сказала я. – Боль никогда не уйдет совсем, но со временем она станет не такой острой. И как бы то ни было, жизнь продолжается.

– Мне вовсе не требуется твое сочувствие, Нора.

– Ладно. – Я неопределенно пожала плечами. – Если тебе захочется поговорить, можешь звонить мне.

– Мне не придется звонить. Я переезжаю к тебе, – заявила Марси. – Перевезу вещи на этой неделе. Моя мать сводит меня сейчас с ума, и мы с ней договорились, что мне нужно сменить ненадолго обстановку. Твой дом подходит так же, как и любой другой. Что ж, я рада, что мы поговорили. Если мой отец и научил меня чему-то, то это тому, что нефилимы должны держаться вместе.

– Нет! – крикнула я, не успев даже подумать. – Нет, нет, нет! Ты не можешь... не можешь ко мне переехать!

Волна настоящей паники накрыла меня с головой. Мне срочно нужны были убедительные аргументы против. Сейчас же. Но мозг отказывался работать и словно заиклился на одном бессмысленном и бесполезном слове, которое я и твердила, не останавливаясь:

– Нет.

– Я уже все решила, – пожала плечами Марси и исчезла внутри клуба.

– А как насчет меня?! – завопила я и треснула ногой по двери, хотя на самом деле больше всего мне хотелось сейчас дать пинка самой себе. Называется, помогла Ви! И вот к чему это привело!

Я рывком распахнула дверцу и ворвалась внутрь. Ви все еще была в кабинке.

– Куда она пошла?! – заорала я.

– Кто?

– Марси!

– Я думала, она с тобой.

Я послала Ви свой самый разъяренный взгляд:

– Это все ты виновата! Мне нужно ее найти.

Без дальнейших объяснений я стала проталкиваться сквозь толпу, оглядываясь по сторонам в поисках Марси. Мне нужно было срочно разобраться во всем, пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля.

Да нет, она просто испытывает меня, убеждала я себя. Просто издевается. Ничего еще не решено. И потом, есть ведь еще моя мама, и ее слово будет окончательным. А она не захочет, чтобы Марси жила с нами. У Марси есть собственная семья, хотя она и лишилась одного из родителей, но я сама была живым доказательством, что семья не зависит от количества членов в ней. Эти мысли меня немного успокоили, я почувствовала, что дыхание становится ровным.

Вспыхнул свет, и солист команды «Серпентина» взялся за микрофон, встряхнув головой в наступившей тишине. Барабанщик подбросил палочки и ударил по барабанам, а Скотт и другой гитарист подхватили мелодию. Шоу началось под восторженный рев и неистовство толпы, в которой тоже яростно мотали головами и подпевали в унисон тем, кто был на сцене.

Я последний раз без особой надежды оглянулась по сторонам в поисках Марси, а потом решила оставить эту затею. С ней я разберусь потом. Начало концерта было сигналом к нашей встрече с Патчем около бара, и как только заиграла музыка, сердце у меня в груди затрепетало.

Я пошла к бару и села на первый попавшийся стул. Пожалуй, сделала я это не слишком изящно, в последний момент с трудом удержав равновесие. Ноги у меня подгибались, как будто были резиновые, а руки тряслись. Я просто не представляла, как смогу пройти через то, что мне предстояло.

– Паспорт, дорогуша? – спросил бармен. От него шла вибрирующая энергия, которая безошибочно подсказала мне, что он нефилим, как Патч и предупреждал.

Я качнула головой:

– Да мне только спрайт, пожалуйста.

В эту секунду я почувствовала, что Патч у меня за спиной. Энергия, которая шла от него, была гораздо сильнее энергии бармена, и от нее у меня по всему телу забегали мурашки. Он всегда так действовал на меня, но сегодня помимо обычного возбуждения я почувствовала еще и боль. Ведь это означало, что Патч уже появился, и у меня совсем не осталось времени. Мне не хотелось делать то, что мы запланировали, но я понимала, что выбора у меня нет: нужно сыграть свою роль, даже если она причинит мне страдания, ради собственной безопасности и безопасности тех, кого я люблю.

«Готова?» – прозвучал голос Патча у меня в голове.

«Если желание все немедленно бросить и убежать называется готовностью, то да, готова».

«Я приду к тебе попозже, и мы обо всем поговорим. А сейчас давай просто сделаем то, что должны».

Я кивнула.

«Все как мы с тобой договаривались», – спокойно сказал он мысленно.

«Патч? Что бы ни случилось... я люблю тебя».

Этих трех слов мне было явно мало для того, чтобы выразить, что я на самом деле к нему испытываю. И в то же время, разве можно было добавить что-то еще к этим простым и емким словам?

«Что ж, Ангел, никаких сомнений!»

«Никаких», – ответила я серьезно.

Бармен как раз закончил обслуживать клиента и повернулся, чтобы принять у Патча заказ. Он окинул его взглядом с ног до головы, и по напряжению, которое появилось на его лице, было понятно, что он узнал падшего ангела.

– Что тебе? – спросил он довольно резко, вытирая руки посудным полотенцем.

Патч заговорил невнятно и почти неразборчиво, как пьяный:

– Мне бы симпатичную рыженькую, желательно повыше и потоньше, с бесконечными ногами. – Он провел пальцем по моей щеке, а я выпрямилась и отпрянула от него.

– Мне это неинтересно, – сказала я и сделала глоток спрайта, не отрывая взгляда от зеркала за стойкой бара. В свою реплику я постаралась добавить как можно больше недовольства, чтобы бармен точно заметил.

Бармен перегнулся через стойку, опершись мускулистыми руками о гранитную столешницу, и уставился на Патча.

– В следующий раз сначала прочитай меню, прежде чем отнимать у меня время. Мы не торгуем девушками, ни рыжими, ни какими другими.

Он выдержал эффектную паузу, а потом отвернулся к следующему клиенту.

– А еще лучше, если она будет нефилимом, – пьяно объявил Патч.

Бармен остановился, глаза его зажглись бешенством.

– Эй, нельзя ли потише, парень? Здесь у нас смешанная компания, сюда и люди тоже заходят.

Патч отмахнулся пьяным неловким движением:

– Мило, что ты так заботаешься о людях, но одного маленького фокуса с их сознанием будет достаточно, чтобы они навсегда забыли, что я тут говорил. Я столько раз проделывал этот фокус, что могу сделать это даже во сне, – заявил он развязно и с долей презрения в

голосе.

– Ты хочешь, чтобы это ничтожество оставило тебя в покое? – обратился бармен ко мне. – Одно твоё слово, и я позову вышибалу.

– Благодарю за предложение, но я вполне могу справиться сама, – ответила я. – Вы уж не сердитесь на моего бывшего бойфренда за то, что он полный ублюдок.

Патч расхохотался:

– Ублюдок? А ведь ты совсем по-другому называла меня в прошлый раз, когда мы были вместе, – произнес он с намеком.

Я только с отвращением посмотрела на него.

– Она тогда ещё не была нефилимом, знаешь ли, – проинформировал Патч бармена с деланным сожалением. – Ты, может, слышал о ней: она наследница Черной Руки. Мне она, правда, нравилась больше, когда была человеком, но, с другой стороны, кое-какие плюсы есть и в том, чтобы мутить с самым знаменитым нефилимом на свете.

Бармен перевел на меня заинтересованный взгляд:

– Ты дочь Черной Руки?!

Я посмотрела на Патча:

– Вот спасибо.

– Так это правда, что Черная Рука умер? – спросил бармен. – Просто не могу поверить. Такой великий человек, земля ему пухом. Мои соболезнования вашей семье. – Он замолк, на лице его явно читалось недоумение. – Но как же он умер... *умер?*

– Говорят, что да, – пробормотала я тихонько. Моих актерских данных было недостаточно, чтобы выдавить слезу в связи с кончиной Хэнка, но я старалась, чтобы в голосе моем звучала соответствующая моменту печаль.

– Ставлю выпивку тому падшему ангелу, что покончил с ним! – объявил Патч, поднимая мой бокал. – Думаю, нам всем придется признать, что произошло именно это. *Бессмертный* оказался совсем не бессмертным. – Он расхохотался, стукнув от избытка чувств кулаком по стойке.

– И ты встречалась с этой свиньей? – спросил меня бармен.

Я отвернулась от Патча и нахмурилась:

– Даже не хочется вспоминать.

– А ты в курсе, что он... – Бармен понизил голос: – Что он падший ангел?

Я сделала ещё один глоток:

– Не напоминайте мне. Я сделала выводы. Мой новый бойфренд Данте Матерацци, он стопроцентный нефилим. Вы, может быть, слышали о нем?

Самое подходящее время пустить сплетню.

Его глаза загорелись; он явно был впечатлен:

– Конечно, конечно! Отличный парень. Все знают Данте.

Патч слишком крепко сжал мое запястье для того, чтобы считать это проявлением нежности.

– Вообще-то она сильно ошибается. Мы все ещё пара. Давай-ка сбежим отсюда вместе, дорогуша, прямо сейчас!

Я отшатнулась, словно шокированная:

– Убери от меня руки!

– Мой мотоцикл прямо за дверью. Давай же, я тебя покатаю. Хотя бы ради нашего общего прошлого.

Он поднялся и дернул меня со стула так сильно, что барный стул свалился.

– Зовите вышибалу! – обратилась я к бармену, стараясь, чтобы в моем голосе звучал страх. – Сейчас же!

Патч поволок меня за собой по направлению к выходу, а я, делая вид, что пытаюсь освободиться, с ужасом думала, что худшее еще впереди.

Клубный вышибала, тоже нефилим, который был не только минимум сантиметров на десять выше Патча, но и на добрых двадцать кило тяжелее, уже расталкивал толпу, локтями прокладывая себе дорогу к нам. Он схватил Патча за воротник, оторвал от меня и швырнул его прямо в стену. На сцене «Сerpентина» как раз входила в самый раж, заглушая шум драки, но те, кто был поблизости, образовали вокруг дерущихся любопытствующий кружок.

Патч поднял руки и улыбнулся бессмысленной пьяной улыбкой:

– Я не хочу никаких неприятностей.

– Слишком поздно, – провозгласил вышибала и впечатал кулак прямо ему в лицо. Кожа над бровью у Патча тут же лопнула, потекла кровь, и мне стоило больших усилий не броситься к нему на помощь.

Вышибала кивнул в сторону двери:

– Если ты когда-нибудь еще хоть раз сунешь свою физиономию сюда, неприятности станут твоими лучшими друзьями. Ты понял?

Патч побрел к двери, легонько отсалютовав вышибале:

– Ясно, ясно, сэр.

Вышибала пнул Патча ногой под колено, от чего тот упал ничком с крыльца прямо на асфальт.

– Ой, ну надо же, нога соскользнула!

Один из мужчин, стоящих у дверей, захохотал, и этот смех привлек мое внимание. Я уже слышала этот смех раньше. Если бы я была человеком, то могла бы его и не узнать, но теперь все мои чувства обострились. Я вгляделась в толпу, стараясь рассмотреть того, кто смеялся.

А вот и он.

Ковбой. Сейчас на нем не было ни ковбойской шляпы, ни темных очков, но я бы узнала из тысячи и эти сутулые плечи, и эту наглую усмешку.

«Патч! – закричала я про себя, не зная, может ли он сейчас слышать меня через эту толпу. – Патч! Здесь один из этих, из того дома! Нефилим! Он только что вошел, одет в черную с красным фланелевую рубашку и ковбойские сапоги!»

Я подождала, но ответа не последовало.

«Патч!» – попробовала я снова, вкладывая в свой внутренний крик всю силу, которая у меня была. Сейчас мне нельзя идти за ним на улицу. Ни в коем случае, если я хочу сохранить нашу тайну.

Рядом со мной появилась Ви:

– Что происходит? Все говорят о какой-то драке! Не могу поверить, что я все пропустила! Ты что-нибудь видела?

Я оттащила ее в сторону:

– Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня. Видишь вон того парня около дверей, в дурацкой фланелевой рубашке? Мне необходимо выяснить его имя.

Ви нахмурилась:

– Да что тут такое происходит?

– Я тебе потом все объясню. А сейчас, пофлиртуй с ним, укради у него бумажник, делай

все что угодно, только ни в коем случае не упоминай моего имени, хорошо?

– Если я это сделаю, ты будешь у меня в долгу. Двойное свидание. Ты и этот твой неуловимый дружок, и мы со Скоттом.

У меня не было сейчас времени говорить ей, что мы с Патчем расстались, поэтому я сказала только:

– Хорошо. А теперь поторопись, а то мы потеряем его в этой толкучке.

Ви щелкнула пальцами и удалилась танцующей походкой. Я не стала смотреть, как у нее получается выполнить мое задание. Сквозь толпу я пробралась к задней двери, выскочила наружу и побежала по улице вокруг здания, ища глазами Патча.

«Патч!» – отчаянно крикнула я мысленно в темноту.

«Ангел! Что ты делаешь?! Это не безопасно. Нас не должны видеть вместе!»

Я резко обернулась, но Патча не было видно.

«Где ты?»

«Через дорогу. В грузовичке».

Я взглянула на противоположную сторону улицы, и действительно, там у обочины был припаркован довольно грязный, ржаво-коричневый «Шеви». Он почти сливался с ободранными ветхими зданиями, стоящими вокруг. Окна грузовичка были затонированы, чтобы скрыть внутреннее пространство от любопытных глаз.

«Один из нефелимов из того дома сейчас зашел в «Дьявольскую суму».

Последовало долгое молчание.

«Он видел драку?» – спросил наконец Патч.

«Да».

«Как он выглядит?»

«Он одет в красную с черным фланелевую рубаху и ковбойские сапоги».

«Заставь его выйти из здания. Если остальные твои похитители тоже там, заставь выйти и их. Я хочу потолковать с ними».

В голосе Патча отчетливо слышалась угроза, но они это заслужили. Право на мое сочувствие они утратили в тот момент, когда заталкивали меня против моей воли в тот фургон.

Я побежала обратно к «Дьявольской суме» и стала пробираться сквозь толпу около сцены. «Серпентина» играла очень круто, рок-музыка заводила всех присутствующих. Я не представляла, как выманить Ковбоя на улицу, но знала одного товарища, который мог помочь мне очистить помещение целиком.

– Скотт! – заорала я.

Это было бесполезно. Он не мог слышать меня за этой грохочущей музыкой. И кроме того, он был слишком увлечен своей гитарой.

Я встала на цыпочки и поискала Ви. Она как раз шла ко мне.

– Я применила все свое «Ви-обаяние», но на него оно совершенно не подействовало, – пожаловалась она. – Может быть, мне нужно сделать новую стрижку. – Она изучила собственные подмышки: – Потому что, насколько я могу судить, дезодорант меня не подводит.

– Он тебя отшил?

– Ага. И я не узнала его имени. Значит ли это, что наше двойное свидание отменяется?

– Я сейчас вернусь, – пообещала я и снова побежала на улицу.

Мне нужно было подобраться поближе к Патчу, чтобы сказать ему, что выманить нашего

друга-нефилима на улицу оказалось сложнее, чем я предполагала. И тут вдруг на заднем крыльце соседнего здания я увидела силуэты двоих людей, разговаривающих шепотом. И остановилась как вкопанная.

Пеппер Фрайберг и... Дабрия?!

Дабрия была когда-то ангелом смерти и встречалась с Патчем, пока их обоих не низвергли с небес. Патч клялся, что эти отношения были скучными, лишенными страсти и скорее удобными, чем искренними. И все же. После того как я нарушила ее планы продолжать встречаться с Патчем и на земле, Дабрия пыталась убить меня. Она была стильной блондинкой, красивой и утонченной. Я никогда не видела ее без красивой прически, а от ее улыбки у меня в жилах кровь застывала.

Теперь она тоже была падшим ангелом и зарабатывала себе на жизнь фальшивыми предсказаниями и мошенничеством. Она была, пожалуй, самой опасной из тех падших, которых я знала, и я не сомневалась нисколько, что числюсь в ее черном списке под номером один.

Инстинктивно я отступила назад, к «Дьявольской суме». Секунд пять я боялась даже вздохнуть, но Пеппер и Дабрия, казалось, меня не заметили. Испытывать удачу и приближаться к ним я не стала. На том расстоянии, где я могла бы их расслышать, они оба или один из них тоже точно могли бы меня заметить.

Они побеседовали еще несколько минут, а потом Дабрия развернулась и пошла прочь по улице, а Пеппер показал ее спине неприличный жест. Возможно, мне показалось, но похоже было, будто они не ладили – вид у него был крайне недовольный.

Я дождалась, пока Пеппер уйдет, вышла из своего укрытия и отправилась напрямик в «Дьявольскую суму». Найдя Ви в нашей кабинке, я присела рядом с ней.

– Мне нужно, чтобы все немедленно отсюда ушли, – сказала я ей.

Ви моргнула:

– Ну-ка, еще разочек, я не поняла?

– Если я крикну «пожар!», это сработает?

– Вообще вопить «пожар!» – это как-то уж очень старомодно, на мой вкус. Можно крикнуть «полиция!», но разницы особой не будет. Не то чтобы я имела что-то против классических приемов... Но что за спешка? Не думаю, что «Серпентина» уж *так* сильно облажалась.

– Я тебе все объясню...

– Потом, ага, – кивнула Ви. – Я же тебя знаю как облупленную. Я бы на твоём месте крикнула все-таки «полиция!». Сдается мне, что здесь полно тех, у кого рыльце в пушку, так что кричи «копы!», и увидишь, как все забегают.

Я нервно грызла губы, раздумывая.

– Ты уверена?

Этот план вполне мог привести к тому, что я получила бы по морде. С другой стороны, выбора у меня не было: Патч ждет возможности потолковать с Ковбоем, и мне бы тоже этого хотелось. А еще мне бы хотелось, чтобы их беседа закончилась как можно скорее, потому что мне надо было рассказать Патчу о Дабрии и Пеппере.

Ви сообщила:

– Ну, я уверена процентов на тридцать пять...

В помещение вдруг ворвался поток ледяного воздуха. Поначалу я даже не поняла, что эта холодная волна идет от входной двери, которую рывком распахнули. Мне даже показалось,

что это мои личные реакции на грозящие мне неприятности.

В «Дьявольскую суму» влилась толпа падших ангелов. Я даже не могла их сосчитать, так много их было. Они двигались так быстро, что я различала только стремительно перемещающиеся тени. И они были готовы к бою – в руках у них поблескивали ножи и кастеты с шипами, и они пускали их в ход направо и налево.

Я беспомощно наблюдала, как два молодых нефилима упали на колени, а около них кругом встали ангелы. Очевидно, мальчишек заставляли принести клятву.

Один из падших ангелов, костлявый и бледный, как смерть, ударил наотмашь ребром ладони какую-то девушку-нефилима, сломав ей шею, и она захлебнулась собственным криком. Он внимательно разглядывал ее лицо, которое с того места, где я находилась, слишком напоминало мое. И вообще она была похожа на меня: такие же длинные кудрявые волосы, и комплекция моя, и рост.

Не удовлетворившись увиденным, падший ангел бешено зарычал, его холодные глаза начали шарить по толпе. У меня возникло ощущение, что он ищет новую жертву.

– Нам нужно убираться отсюда! – закричала Ви и потянула меня за руку. – Сюда!

Я только успела подумать, видела ли Ви тоже, как падший ангел сломал девушке шею, а если видела, то как может после этого сохранять такое самообладание, но она уже волокла меня к выходу сквозь толпу.

– Не оглядывайся! – шепнула она мне на ухо. – И давай быстрее!

Быстрее. Это правильно. Но проблема в том, что к выходу устремилось никак не меньше сотни перепуганных до полусмерти людей. И вся эта толпа представляла собой неконтролируемое стадо, которое сметало все на своем пути. «Сerpентина» перестала играть, но у нас не было времени возвращаться за Скоттом. Оставалось только надеяться, что он сможет выбраться через заднюю дверь.

Ви бежала за мной, подталкивая меня в спину так часто, что я вдруг подумала, уж не закрывает ли она меня своим телом. Вряд ли она могла предположить, что я буду стараться защитить *ее* от падших ангелов, если они доберутся до нас. Да и если быть откровенной, несмотря на утреннюю тренировку с Данте, я сама совсем не была уверена, что у меня были шансы.

И все-таки внутри меня вдруг начало закипать бешенство и непреодолимое желание вступить в бой. У нефилимов были права. У *меня* были права! Наши тела не принадлежали падшим ангелам. Они не должны иметь к ним доступ. Да, я опрометчиво пообещала архангелам остановить эту войну, но теперь чувствовала, что лично в ней заинтересована. Теперь я сама хотела этой войны, хотела свободы, хотела знать, что никогда, никогда никто не поставит меня на колени и не заставит принести унижительную клятву верности кому-либо.

Но как мне получить то, чего я хочу, и при этом чтобы архангелы остались довольными?

Наконец мы с Ви вынырнули наружу прямо в холодный ночной воздух. Улицу заполнили убегающие в разные стороны испуганные люди. Не останавливаясь, даже чтобы перевести дух, мы понеслись к «Неону».

Ви резко затормозила перед моим домом и выключила музыку.

– Что же для одной ночи, пожалуй, многовато приключений, – сказала она. – И что это было? «Гризеры» против «Соушей»?

Все время поездки я очень нервничала, а сейчас выдохнула с облегчением: никаких истерик, никаких разговоров о сломанной шее... к счастью, Ви не видела самого ужасного.

– Ты даже не знаешь, о чем говоришь, ты же не читала «Изгоев»^[3].

– Зато я смотрела фильм. И Мэтт Дилан был весьма неплох.

В машине повисла неловкая пауза.

– Ладно, хватит болтать ерунду, – сказала Ви. – Довольно разговоров ни о чем. Выкладывай, Нора. – Я колебалась, и она добавила: – Там произошло какое-то безумие, но что-то было не так с самого начала. Ты вела себя странно весь вечер. Я видела, как ты бегаешь туда-сюда по «Дьявольской суме». А потом ты вдруг заявляешь, что тебе надо, чтобы все ушли... Детка, знаешь, мне нужны объяснения.

А вот объяснений у меня не было. Я очень хотела рассказать Ви всю правду, но для ее же безопасности надо было, чтобы она купилась на ту ложь, которую я собиралась ей преподнести. Если Ковбой и его друзья действительно так серьезно роются в моей жизни, рано или поздно они раскопают, что Ви моя лучшая подруга. Мне даже думать было страшно о том, что они могут ее пытаться или допрашивать, но если вдруг такое на самом деле случится, надо, чтобы она сама верила в то, что может им сказать. А самое главное, чтобы она безоговорочно поверила в то, что с Патчем я порвала окончательно и бесповоротно. Мне нужно было затушить этот огонь до того, как он выйдет из-под контроля и сожжет все вокруг.

– Когда я была около бара, пришел Патч. И это было... ужасно, – начала я медленно. – Он был... груб. Говорил такие глупые вещи... Я отказалась уезжать с ним, и он распустил руки...

– Вот же урод, – пробормотала Ви.

– И охранник выкинул Патча из бара.

– Ох. У меня слов нет. И что ты теперь со всем этим собираешься делать?

Я развела руки, а потом хлопнула в ладоши.

– Мы с Патчем... все кончено.

– Прямо все-все?

– Да. Бесповоротно.

Ви перегнулась через панель и обняла меня. Она хотела было что-то сказать, но, взглянув на мое выражение лица, передумала.

– Не хочу говорить об этом, но ты знаешь мое мнение по этому поводу.

Я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами. Ви так явно испытывала облегчение от моей лжи, и это делало мою ложь еще отвратительнее. Я была ужасной подругой и знала это, но просто не видела другого выхода. Не могла же я подвергать Ви опасности.

– А что за история с парнем во фланелевой рубашке?

То, чего она не знает, не может причинить ей вреда.

– До того как вылететь из бара, Патч предупредил меня, чтобы я держалась подальше от этого парня. Что-то вроде того, что Патч этого типа знает и что от него куча проблем. Вот я и

попросила тебя узнать его имя. Я заметила, что он следит за мной, и это меня нервировало. Не хотелось, знаешь, чтобы он преследовал меня до самого дома, вдруг он именно это и планировал. Поэтому я и решила устроить там суматоху, чтобы иметь возможность убраться из «Дьявольской суммы» незаметно для него.

Ви вздохнула – медленно и глубоко.

– Я верю, что ты порвала с Патчем. И я ни на йоту не верю в ту историю, что ты рассказала мне только что.

Я вздрогнула.

– Ви...

Она подняла руки:

– Ладно. У тебя есть секреты, и однажды ты мне расскажешь, что на самом деле происходит. А я расскажу тебе... – Она лукаво изогнула бровь: – Да-да, именно. Ты не единственная, кому есть что скрывать. Я все расскажу тебе, когда придет время, и рассчитываю на ответную откровенность с твоей стороны.

Я уставилась на нее в недоумении. Такого поворота я не ожидала.

– У тебя есть секреты? Какие секреты?

– Отличнейшие, жирненькие секреты.

– Расскажи!

– Ну-ка, взгляни. – Ви постучала по часам на передней панели. – Кажется, наступил твой комендантский час.

Я сидела, открыв рот от изумления.

– Не могу поверить, что у тебя есть от меня секреты!

– А я не могу поверить, что ты такая лицемерка.

– Этот разговор не окончен, – предупредила я ее, неохотно открывая дверцу.

– Не очень-то приятно быть на моем месте, а?

Я пожелала маме спокойной ночи, а потом закрылась в своей комнате и позвонила Патчу. Когда мы с Ви убегали из «Дьявольской суммы», коричневого «Шеви» уже не было у обочины. Я предполагала, что Патч уехал еще до неожиданного вторжения падших ангелов, иначе он бы обязательно кинулся внутрь, чтобы убедиться, что мне не грозит опасность. Но сейчас меня больше занимал вопрос, поймал ли он Ковбоя. Если да, то теперь они как раз беседуют. И мне было интересно, задает ли Патч вопросы или сыплет угрозами. Наверно, и то и другое.

У Патча сработал автоответчик, и я повесила трубку. Оставлять сообщение было слишком рискованно. Он увидит пропущенный звонок и поймет, что звонила я. Я очень надеялась, что он по-прежнему планирует навестить меня этой ночью. Конечно, я понимала, что наша ссора была ненастоящей, но мне хотелось подтверждения, что на самом деле все остается, как раньше. Я была растеряна, мне нужно было убедиться, что между нами все обстоит так же, как было до ссоры.

Для верности я набрала его номер еще раз, а потом устало вытянулась в кровати.

Завтра вторник. Значит, Хешван начнется, как только взойдет луна.

Судя по жестокой и беспредельной сегодняшней драке, падшие ангелы считали часы до того момента, когда они могли наконец разгуляться по полной.

Проснувшись я от скрипа половиц и сразу увидела у себя перед глазами две мускулистые

мужские ноги в белых спортивных штанах.

– Данте? – спросила я, шаря рукой по прикроватному столику в поисках часов. – Сколько сейчас времени? Какой сегодня вообще день?

– Сейчас утро вторника, – ответил он. – И ты знаешь, что это означает. – Мне в лицо полетела моя скомканная спортивная одежда. – Встретимся снаружи, когда ты будешь готова.

– Правда?

Даже в темноте было видно, как блеснули в улыбке его зубы:

– Не стоит обольщаться. Тебе лучше быть на перекрестке в течение пяти минут. Максимум.

Пять минут спустя я вышла наружу, дрожа от утренней октябрьской прохлады. Ветер срывал листву с деревьев и скрипел ветками. Я подпрыгнула и наклонилась, чтобы заставить кровь быстрее бежать по венам.

– Вперед! – скомандовал Данте и понесся к лесу.

Меня все еще не приводила в восторг мысль о том, чтобы бегать с Данте на пару в глухом лесу, но я здраво рассудила, что, если бы он действительно хотел причинить мне вред, у него было полно возможностей вчера. Поэтому я побежала за ним, стараясь уследить за проблесками белого среди деревьев.

Его зрению я могла только позавидовать, потому что, если я постоянно натыкалась на что-то, спотыкалась и с трудом уклонялась от бьющих по лицу веток, он бежал с легкостью и ориентировался на месте без малейшего труда. Каждый раз, когда я слышала торжествующий издевательский смешок, мне хотелось сбросить его на дно оврага, и я была полна решимости сделать это при первой же возможности: оврагов вокруг было полно. Нужно только подобраться к нему незаметно...

Наконец Данте остановился, и, когда я нагнала его, он уже успел удобно растянуться на большом валуне, подложив обе руки себе под голову. Он снял спортивные штаны и ветровку и остался только в коротких шортах и облегающей футболке. Если бы не его чуть учащенное дыхание, я бы в жизни не подумала, что он только что несколько миль пробежал на огромной скорости по холмам.

Я рухнула на валун рядом с ним и застонала, пытаясь восстановить дыхание:

– Воды...

Данте приподнялся на локте и послал мне обворожительную улыбку:

– Не надейся. Я собираюсь добиться твоего полного обезвоживания. Вода – это слезы, а слезы это такая штука, которую я не выношу. А когда ты узнаешь, какое задание я приготовил тебе, то точно захочешь заплакать. Так что для меня большая удача, что тебе будет нечем плакать.

Он взял меня под мышки и потянул кверху.

Занимающаяся заря окрасила горизонт в холодный розоватый цвет. Сверху, с этого валуна, открывался вид на километры вперед: вечнозеленые деревья, ели и кедры, словно ковер лежали под нашими ногами, они были повсюду, ровным слоем покрывали холмы и спускались вниз, в долины и овраги, которыми местность вокруг была словно изрезана.

– Давай, вырывай, – велел мне Данте.

– Вырывать что?

– Дерево. А как только вырвешь, сможешь пойти домой.

Я посмотрела на деревья. Каждому из них было лет сто, не меньше, каждое было в объёме не меньше трех фонарных столбов. Я почувствовала, как моя челюсть медленно

отпадает.

– Данте...

– Силовой тренинг, упражнение номер 101. – Он хлопнул меня по спине, подбадривая, и устроился в расслабленной позе на камне. – Это, наверно, будет даже интереснее, чем шоу «Сегодня»^[4].

– Ненавижу тебя.

Он рассмеялся:

– Да нет, пока еще нет. А вот через часок-другой...

Через час у меня не оставалось ни физических, ни, похоже, душевных сил совсем, настолько упрямым и негибким был белый кедр, который я пыталась выкорчевать. Это был прекрасный, раскидистый, полный сил экземпляр, растущий лишь чуть в сторону. Я пыталась гнуть его, ломать, пинать ногами в отчаянии и даже бросаться на него с кулаками. Приходилось признать, что в этом поединке дерево выходило однозначным победителем. А Данте все это время сидел на своем камне, улыбался, фыркал, смеялся и подавал обидные реплики. Что ж, хорошо, что хоть кому-то было весело.

Наконец он подошел ко мне с легкой, но очень неприятной улыбочкой на лице:

– Ну что, Главнокомандующий Великой и Могущественной Армии нефилимов, не везет?

Пот струился по моему лицу, заливая нос и подбородок, ладони были изодраны в кровь, колени сбиты, я подвернула лодыжку, и каждая клеточка моего тела нещадно болела и молила о пощаде. Я ухватила за рубашку Данте и вытерла ею лицо. А потом высморкалась в нее.

Данте отступил, подняв руки:

– Эй, эй... потише.

Я ткнула рукой в сторону своего непобежденного дерева:

– Я не могу... – Рыдания душили меня. – Я не могу с этим справиться. Я никогда не буду такой сильной, как ты, как остальные нефилимы... – Я чувствовала, как мои губы дрожат от стыда и обиды.

Выражение его лица смягчилось:

– Дыши глубже, Нора. Я знаю, что ты никогда не сможешь этого сделать. В этом смысл. Я хотел, чтобы, выполняя заведомо невыполнимую задачу, ты смогла бы оценить, насколько далеко ты продвинулась вперед.

Я уставилась на него, чувствуя, как внутри закипает ярость.

– Что? – спросил он.

– Что? Что?! Да ты ненормальный! Мне же еще в школу сегодня! Мне контрольную писать! Я же думала, что занимаюсь чем-то полезным, а теперь оказывается, что это был всего-навсего «урок»?! Что же, это был действительно урок мне! Признаю свое поражение. С меня хватит! Я не просила тебя об этом. Тренировки – это твоя идея. Ты неплохо позабавился, но теперь моя очередь. Я УХОЖУ!

Я понимала, что обезвожена и, возможно, не могу мыслить рационально, но с меня действительно было довольно. Да, я хотела стать сильнее и выносливее и научиться защищать себя. Но это было слишком. Выдирать с корнем деревья?! Я корячилась тут из последних сил, а он сидел и издевался надо мной, прекрасно зная, что у меня это никогда не получится!

– Ты, кажется, всерьез разозлилась, – заметил он, нахмутив брови и поглаживая в недоумении подбородок.

– Да ты что, правда?

– Ну, воспринимай это как наглядный урок. Своего рода знак.

– Вот как? Тогда вот тебе знак. – И я показала ему средний палец.

– Ты реагируешь неадекватно, ты ведь понимаешь, да?

Возможно, часа через два я могла бы это признать. После того как приняла бы душ, восстановила водный баланс и отоспалась бы. Но, к сожалению, у меня не было такой возможности, ведь еще в школу.

Данте произнес:

– Ты командующая нашей армии. И ты нефилим в теле человека. Тебе надо тренироваться больше, чем всем нам, потому что у тебя очень невыигрышные стартовые условия по сравнению с остальными. И я ничем не могу тебе помочь в этом смысле.

Сквозь заливающий мои глаза пот я посмотрела на него.

– А тебе не приходило в голову, что я вовсе не хотела этой работы? Не приходило в голову, что я не хочу быть командующей?

Он пожал плечами:

– Это не имеет значения. Это факт. Нет смысла думать о том, что было бы при другом сценарии.

Тон у меня был довольно безнадежный:

– А почему бы тебе не попытаться сместить меня и не занять мое место? – пробормотала я, и в этой шутке была только доля шутки. Я вообще не очень-то понимала, зачем Данте пытаться сохранить мне власть, да и жизнь тоже. – Ты был бы в миллион раз лучше меня. Точно бы справился.

Он снова взялся за свой подбородок:

– Что ж, теперь ты заставила меня задуматься об этом...

– Это не смешно, Данте.

Улыбка исчезла с его лица.

– Нет, не смешно. И даже совсем не смешно, потому что я поклялся Хэнку, что буду помогать тебе добиться успеха. Так что я так же рискую, как и ты. И прихожу сюда каждое утро не для того, чтобы улучшить свою карму. Я прихожу сюда потому, что мне нужна твоя победа. Моя жизнь зависит от тебя.

Я пыталась переварить его слова.

– То есть... ты имеешь в виду, что, если я не начну эту войну и не одержу в ней победу, ты умрешь? Это суть твоей клятвы?

Он вздохнул, глубоко и медленно, а потом ответил:

– Да.

Я прикрыла глаза и схватилась за виски:

– Лучше бы ты мне этого не говорил.

– Переживаешь?

Я прислонилась к валуну так, чтобы ветер обдувал мою кожу. Глубоко вздохнуть, еще. Значит, от меня зависит не только моя собственная жизнь и жизнь моей ма-мы. Если я не встану во главе нефилимской армии, я убью таким образом Данте. И если я не приведу их к победе, тоже. А как же мир? А как же мои договоренности с архангелами?

Будь ты проклят, Хэнк. Это его вина. Если он не попал после смерти прямоком в ад, тогда на свете, не важно, на этом или на том, нет справедливости.

– Лиза Мартин и другие высокопоставленные нефилимы хотят снова встретиться с

тобой, – сказал Данте. – Я, как могу, сопротивляюсь, потому что знаю, как ты не хочешь войны, и боюсь, они будут недовольны. Нам во что бы то ни стало надо сохранить тебе власть. А поэтому нужно, чтобы они думали, будто ты с ними заодно.

– Я не хочу пока с ними встречаться, – ответила я, не задумываясь. – Так что продолжай сопротивляться.

Мне нужно было время подумать. Чтобы решить, как действовать дальше. Чтобы решить, кто представляет для меня бóльшую опасность: недовольные архангелы или восставшие нефилимы?

– Хочешь, я скажу им, что отныне все контакты с тобой будут через меня?

– Да, – я сказала это с благодарностью. – Постарайся тянуть время как можно дольше.

– Кстати, я слышал о вашей фальшивой ссоре вчера вечером. Судя по всему, вы устроили неплохое шоу. Нефилимы купились.

– Но не ты.

– Патч предупредил меня, – подмигнул Данте. – Но я бы не купился в любом случае. Я же видел вас вместе. То, что между вами, так просто не умирает.

Он протянул мне холодную пластиковую бутылочку с голубым энергетиком.

– Выпей. Ты потеряла много жидкости.

Я кивнула в знак благодарности, открутила крышку и отпила глоток. Напиток у меня во рту сразу загустел и потек по пищеводу, словно сжигая все на своем пути. У меня было ощущение, что я сейчас просто взорвусь изнутри. Жар растекся по всему моему телу, каждая его клеточка, казалась, горела и готова была вот-вот лопнуть. Я согнулась пополам, хрипя и кашляя.

– Ты что мне дал? – еле проговорила я.

– Это средство от обезвоживания, – ответил Данте, но в глаза мне при этом не смотрел.

Я продолжала кашлять, чувствуя, что вот-вот выплюну собственные легкие.

– Я думала... это энергетик... ведь на бутылке... написано...

Его лицо оставалось абсолютно непроницаемым.

– Это для твоей же пользы, – сказал он без выражения.

И умчался прочь на невероятной скорости.

Я все еще не могла выпрямиться, ощущая, будто все мои внутренности превращаются в желе. Перед глазами бегали голубые мушки. Мир качнулся влево... затем вправо... Держась за горло, я побрела вперед, понимая, что, если упаду сейчас здесь без сознания, меня никто никогда не найдет.

Пошатываясь и спотыкаясь, шаг за шагом я все же выбралась из леса.

Когда я добралась до дома, огонь, бушевавший внутри меня, наконец-то утих, дыхание стало нормальным, но справиться с тревогой мне так и не удалось. Что дал мне Данте? И главное, зачем?

Сняв с шеи ключ, я вошла в дом. Скинув обувь, поднялась по лестнице и на цыпочках прокралась мимо маминой спальни.

Часы на прикроватном столике показывали семь. До того как Данте ворвался в мою жизнь, это было обычное и даже довольно раннее время для моего пробуждения. И обычно когда я просыпалась, то чувствовала себя отдохнувшей, но сегодня утром я была совершенно измочаленной и сильно нервничала. Я сгребла в охапку чистую одежду и направилась в ванную, чтобы принять душ и подготовиться к выходу в школу.

В десять минут девятого я припарковала «Фольксваген» на школьной парковке и пошла к школе – высокому серому зданию, напоминающему по стилю старинную протестантскую церковь. Войдя внутрь, я сунула свои вещи в шкафчик, достала учебники и тетради и поспешила в класс. Желудок у меня сжался от голода, но времени перекусить не было, да и я еще не пришла в себя после того синего «энергетика», которым угостил меня Данте.

Первым уроком была история США. Я заняла свое место и посмотрела на экран своего нового телефона – нет ли пропущенных звонков. От Патча все еще не было вестей. Ну и отлично, убеждала я себя, отгоняя от себя дурные предчувствия. Патч сказал, что придет ко мне ночью, но что-то помешало ему выполнить обещание. А ведь он знал, как я была расстроена из-за нашего фальшивого разрыва.

Я уже почти убрала свой телефон, как вдруг пришло сообщение от Патча: он предлагал встретиться у реки через тридцать минут. Я немедленно набрала ответ:

Ты в порядке?

Да. Жду тебя в доках. Проверь, чтобы за тобой не было слежки.

Конечно, время было не самое удачное, но я не могла упустить возможность увидеться с Патчем. Он говорил, что с ним все в порядке, но я совсем не была в этом уверена: если бы с ним действительно все было хорошо, он бы не стал мне звонить во время занятий и предлагать мне такое странное место встречи.

Я подошла к столу миссис Варнок.

– Миссис Варнок, простите, я неважно себя чувствую. Можно мне сходить к медсестре?

Миссис Варнок посмотрела на меня через спущенные на нос очки.

– Что-то случилось, Нора?

– Ну... просто «эти дни», ну вы понимаете, – прошептала я.

А что еще я могла придумать?

Она вздохнула.

– Если бы я получала пять центов каждый раз, когда слышу такое от студенток...

– Я бы не отпрашивалась, если бы боль не была такой сильной... – Я хотела для убедительности потереть живот, но решила, что это будет уже слишком.

Она, наконец, сказала:

– Попроси у медсестры ацетоминафен. Но как только тебе полегчает, пожалуйста,

вернись в класс. Мы начинаем сегодня тему республиканизма Джефферсона, и, если ты не запишешь материал, тебе придется провести следующие две недели в поисках информации.

Я поспешно кивнула:

– Спасибо. Я действительно очень вам благодарна.

Я выскочила за дверь и побежала вниз по лестнице, изо всех сил стараясь не попасться на глаза заместителю директора.

Прыгнув в «Фольксваген», я дала газу. Конечно, это было самое простое. А вот вернуться в класс без записки от медсестры и избежать неприятностей, можно было бы только чудом. Ничего, подумала я. В самом худшем случае я бы попала с поличным, тогда всю следующую неделю мне приходилось бы приходить до начала занятий и отбывать наказание.

Впрочем, если мне нужен был предлог, чтобы держаться от Данте как можно дальше, лучшего мне было бы и не найти.

Солнце было уже высоко, небо было безоблачным и голубым, но холодный ветер пронизывал насквозь, проникая даже под теплую жилетку и намекая на близость зимы. На парковке у лодочной пристани было пусто. Даже рыбаков на отдыхе не было.

Припарковавшись, я на пару минут присела, пригнувшись, за кустами, окружающими парковку – высматривала, не следит ли кто за мной. А потом пошла по асфальтированной дорожке к докам. Теперь я поняла, почему Патч выбрал это место: мы были здесь абсолютно одни, если не считать парочки чирикающих птиц.

Все три лодочных причала были свободны. Ни одной лодки. Я дошла до конца одного из них, щуря глаза от яркого солнца, и оглянулась по сторонам. Патча нигде не было видно.

Звякнул мой телефон – эсэмэска.

Я в конце тропинки, где деревья.

Я уже почти дошла до тех самых деревьев, когда из-за одного из них вдруг вышел Пеппер Фрайберг. В одной руке у него был телефон Патча, а в другой руке он сжимал пистолет.

Я уставилась на оружие и невольно сделала шаг назад.

– Это тебя не убьет, но выстрел причинит сильную физическую боль, – сказал Пеппер. Его штаны из дешевого полиэстера были подтянуты слишком высоко к груди, а рубашка застегнута не на те пуговицы. И тем не менее, несмотря на его нелепый и несуразный вид, я почувствовала исходящую от него угрозу. Он был гораздо, гораздо опаснее, чем можно было подумать по его внешности.

– Интересно, что вы можете знать о боли, – ответила я.

Он огляделся по сторонам. Промокнул лоб белым носовым платком. Он явно нервничал. Ногти у него были обгрызены под самый корень.

– Если ты знаешь, кто я... а ты знаешь... Патч наверняка тебе рассказал... то знаешь, что я не могу чувствовать боль.

– Я знаю, что вы архангел. И знаю, что вы играли не по правилам. Патч рассказал мне, что вы вели двойную жизнь, Пеппер. Чтобы всемогущий архангел занимался незаконной деятельностью среди людей?.. С вашими способностями вы могли бы достичь многого. Чего вы хотели? Денег? Власти? Просто развлечься?

– Я уже говорил тебе, чего я хочу: мне нужен Патч, – сказал он, и на лбу у него снова заблестел пот, видимо, он не успевал вытирать его. – Почему бы ему не встретиться со мной?

Ага, действительно, почему бы это? Может быть, потому, что ты собираешься отправить его прямоком в ад?

– Неплохо придумано – заманить меня сюда с помощью его телефона. Как вы раздобыли его?

– Я вчера выследил Патча около «Дьявольской сумы». Нашел в коричневом грузовичке на улице, но он ускользнул от меня. Правда, он торопился и поэтому оставил в грузовичке кое-какие личные вещи, в том числе и свой телефон со всеми контактами. Я все утро потратил на то, чтобы связаться с тобой – звонил и писал по всем номерам из его списка.

В глубине души я вздохнула с облегчением: значит, Патч на свободе.

– Если вы заманили меня сюда, чтобы допросить, то зря старались. Я не знаю, где Патч. Я с ним не разговаривала со вчерашнего вечера. И вообще, похоже, вы видели его даже позже, чем я.

– Допросить?! – Кончики его огромных, как у Дамбо, ушей, порозовели. – Кошмар – это звучит так угрожающе... Неужели я так выгляжу? Неужели я похож на заурядного преступника?

– Но если вы не собирались задавать мне вопросы, зачем же вы меня сюда вызвали?

Разговор наш был на первый взгляд довольно легким и непринужденным, но я чувствовала тревогу. Я не доверяла Пепперу, не верила в его неуклюжесть и неловкость. Все это скорее всего была только искусная маскировка.

Он явно готовил мне ловушку.

– Видишь вон ту лодочку?

Я проследила за его взглядом и увидела белую блестящую моторку, которая покачивалась на поверхности реки. Гладкая, дорогая и, наверно, очень быстрая моторная лодка.

– Отличная лодка. Вы собираетесь отправиться на прогулку? – спросила я, стараясь не выдать свой страх.

– Ага. И ты составишь мне компанию.

– Я давал тебе шанс избежать этого, но начинаю терять терпение, – заявил Пеппер. Он сунул пистолет за пояс своих дурацких штанов и вытер лоснящийся от пота лоб обеими руками. – Если я не могу поймать Патча, я заставлю его самого прийти ко мне.

Теперь я понимала, что происходит.

– Это похищение? Что ж, Пеппер, вы действительно не похожи на заурядного преступника. Вы скорее уголовник, социопат и жестокий, отвратительный мерзавец.

Он потянул себя за воротник, словно тот душил его, и скривился:

– Мне нужно, чтобы Патч кое-что сделал для меня. Всего лишь маленькая... услуга. И все. Совершенно безопасно, правда.

У меня было ощущение, что эта «услуга» подразумевала, что Патч отправится в ад, избавив соответственно от этой участи самого Пеппера, для которого, видимо, другой возможности избежать скорого путешествия в ад уже не было.

– Я хороший парень, – сказал Пеппер. – Архангел. Патч должен доверять мне. И ты должна заставить его доверять мне.

– Вообще-то самый верный способ потерять его доверие – это похитить меня, Пеппер. Подумайте хорошенько. Похищение вряд ли поможет вам заставить Патча сотрудничать.

Он снова схватился за свой воротник. Лицо у него пошло красными пятнами, от чего он сразу стал похож на потную розовую свинью.

– На самом деле все далеко не так просто, как может показаться на первый взгляд. У меня нет выбора, ты можешь это понять?

– Вы архангел, Пеппер. Но при этом вы разгуливаете по земле, размахиваете оружием и угрожаете мне. Я не верю в вашу безобидность, не верю в то, что вы не хотите причинить вреда Патчу. Архангелы не спускаются на землю надолго и не берут заложников. Знаете, что я думаю? Я думаю, что вы несете зло.

– Я спустился с небес, потому выполняю задание. И я не такой плохой. Просто я позволяю себе некоторые... вольности.

– Ага, я прямо так и поверила.

– У меня есть работа для твоего приятеля, которую может сделать только он. Я не хочу тебя похищать, но вы вынуждаете меня сделать это. Мне нужна помощь Патча, и нужна немедленно. Так что иди к яхте, спокойно и тихо. Одно неверное движение, и я стреляю.

Пеппер сделал подзывающий жест, и лодка заскользила по воде, словно ее тянули за канат к берегу. Патч не предупреждал меня, что архангелы способны повелевать предметами. Я не люблю неожиданности и теперь напряженно размышляла, насколько этот факт может усложнить мне бегство.

– Вы меня не поняли? Он больше не мой бойфренд, – сказала я Пепперу. – Я теперь встречаюсь с Данте Матерацци. Вы наверняка слышали о нем. Все слышали. А Патч на все сто процентов в прошлом.

– Что ж, вот мы и проверим, да? Если мне придется еще раз попросить, чтобы ты шла к лодке, я всажу пулю тебе в ногу.

Я подняла руки на уровень плеч и пошла к лодке. С некоторым опозданием пожалела о том, что одета не в ту джинсовую куртку, в кармане которой Патч прикрепил жучка. Если бы Патч знал, где я, он бы обязательно пришел за мной. Может, конечно, он и в мой стеганный

жилет вшил жучка, но я не очень-то на это рассчитывала. Как я могла на него рассчитывать вообще, если не знала даже, где он и все ли с ним в порядке!

– Лезь в лодку, – приказал Пеппер. – Возьми веревку со скамейки и привяжи себя к перилам.

– Да вы серьезно настроены, – бросила я, глядя на деревья, растущие вокруг реки. Только добратся до них, я могла бы спрятаться за стволами. И Пепперу было бы не так легко в меня попасть.

– В тридцати километрах отсюда у меня имеется прекрасный сарай, названный твоим именем. Как только мы доберемся туда, я сообщу твоему дружку об этом. – Он оттопырил большой палец и мизинец на правой руке и приложил кулак к уху, изображая телефонный звонок: – И посмотрим, сможем ли мы договориться. Если он поклянется сделать то, что мне от него нужно, ты сможешь с ним повидаться. А также снова увидеть своих друзей и родню.

– И как вы собираетесь с ним связаться? Ведь его телефон теперь у вас.

Пеппер нахмурился. Он, видимо, не задумывался об этом. Надо будет попробовать использовать это в своих целях.

– Тогда... мы дождемся, пока он сам позвонит тебе. И в твоих же интересах, чтобы он особо с этим не тянул.

Я нехотя забралась в лодку и взялась за веревку. Просто невозможно было поверить, что Пеппер настолько глуп. Неужели он действительно думал, что эта обычная веревка сможет меня удержать?

Пеппер словно слышал мои мысли:

– Чтобы у тебя не возникло всяких глупых мыслей о побеге, имей в виду: эта веревка заколдована. Она выглядит безобидной, но она прочнее стального каната. Ах да, и еще: как только она окажется на твоих запястьях, я наложу еще одно заклятье. И если ты хотя бы попытаешься избавиться от веревки, тебя ударит током. Минимум вольт двести.

Я постаралась сохранить невозмутимый вид:

– Это такой специальный архангельский фокус, да?

– Я только скажу тебе, что мои возможности гораздо больше, чем ты думаешь.

Пеппер перекинул одну короткую ногу через борт, влезая на место у руля. Прежде чем он успел перекинуть и вторую ногу, я резко отклонилась в сторону, а потом так же резко обратно, раскачивая лодку изо всех сил, чтобы она уплыла от причала. Пеппер застыл враскорячку, одной ногой на причале, другой в лодке, и расстояние между его ногами стремительно увеличивалось.

Его реакция была мгновенной: он выстрелил вверх и воспарил в воздух в нескольких футах от лодки. *Взлетел*. В моем плане оказался один недочет: я забыла, что у него были крылья. И вот теперь он по-настоящему разозлился.

Я нырнула и поплыла к середине реки, а над моей головой засвистели пули.

По раздавшемуся у меня за спиной всплеску я догадалась, что Пеппер нырнул вслед за мной. Ему понадобится всего несколько секунд, чтобы догнать меня и выполнить свое обещание всадить мне пулю в ногу, а возможно, не только это.

Я не была столь могущественной, как архангелы, но я теперь была нефилимом и я тренировалась с Данте... дважды. И я решилась на то, что было либо невероятно смелым, либо невероятно глупым.

Уперевшись ногами в дно, я оттолкнулась что есть сил, стремясь выпрыгнуть из воды. К собственному изумлению, я не только выскочила из воды, как пробка, но и взмыла ввысь, над

верхушками растущих по берегам деревьев. Я могла видеть на метры и метры под собой, я видела фабрики и поля, я видела, как несутся по шоссе маленькие, словно игрушечные, машинки и грузовики. Я видела весь Колдуотер, жилые районы, магазины, зеленые пятна парков...

Но тут я начала с такой же потрясающей скоростью падать. Желудок у меня подкатил к горлу, я чувствовала себя сдуваемым воздушным шариком, который хаотично мечется в воздухе. Я неслась к воде с ужасающей быстротой. Хотела было панически забить руками и ногами во все стороны, но мое тело словно было само по себе, оно словно решило стать изящным и эффективным метательным снарядом: мои ноги на всей скорости врезались в причал, сломанные доски полетели во все стороны, а я погрузилась в воду с головой.

Над головой у меня снова просвистело несколько пуль. Я выбралась из обломков причала и, выскочив на берег, со всех ног кинулась к деревьям. Две утренние пробежки в темноте не прошли для меня даром, но все же это не могло объяснить, с каких это пор я стала развивать на бегу скорости ничуть не меньшие, чем Данте. Деревья, мимо которых я пробегала, сливались в одну размытую картинку, но при этом я прекрасно видела каждое препятствие и без труда его преодолевала, даже еще не успев сообразить, что именно мне надо сделать.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Black Entertainment Television (BET) – американский кабельный телеканал, ориентирован на афроамериканских зрителей.

Дамбо – слоненок из одноименного мультипликационного фильма студии Уолта Диснея.

The Outsiders – американский роман С. Е. Хинтон о противостоянии молодежной банды «гризеров» их сверстникам из состоятельных семей – «соушам». По книге снят одноименный фильм.

Today – американское утреннее ежедневное телешоу.